КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

БИБЛИОТЕЧКА

Годы и судьбы

№3 (387)

SHOUT
SHARE
IT

- Годы и судьбы
  -
  - И. Стаценко,
  - И. Дынин,
  - И. Золин,
  - Д. Исаков,
  - В. Перцов,
  - Н. Бадеев,
  - Николай Сапфиров
  - Владимир Архипенко
  - К. Кащеев,
  - Николай Михайловский
  - Владимир Варно
  - Клара Агафонова
  - И. Лятецкий,
  - Г. Рожнов,

БИБЛИОТЕЧКА «КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ» № 3 (387)

ГОДЫ И СУДЬБЫ

ВОСПОМИНАНИЯ, ОЧЕРКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
МОСКВА — 1978

И. Стаценко, генерал-майор запаса
ЧУВСТВО РОДИНЫ

Октябрь 1917 года. Чем он стал для моего поколения, родившегося с ним и прошагавшего все эти годы, годы борьбы и труда вместе с ним, землей Владимира Ильича, на которой из искры его гения и ума выросло, окрепло и расцвело первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян?

Как передать это многогранное общее и неповторимо личное чувство каждого из нас, то чувство любви к своему Отечеству и гордости за него, которое переполняет наши сердца? Мне кажется, что это то самое, чем ты лично жил всю свою сознательную жизнь, когда стал впервые понимать, что, кроме молока матери и отцовского хлеба, есть еще что-то более значительное в поступи наших, и именно твоих, до предела заполненных общим делом дней. Наконец, то, что укрепило в твоей жизни образ нашей социалистической действительности.

Помню: холодная, колючая зима 1932/33 года. На многих перекрестках киевских улиц с вечера и до утра горят небольшие костры для обогрева, напоминая этим первую зиму революции в Питере. Трамвай от Подола на Печерск, к легендарному «Арсеналу», набит битком в эти утренние часы — все спешат к заводскому гудку. Спешу и я и, если нет места на подножке, пристраиваюсь сзади вагона. Мне тоже надо успеть на работу — я рабочий!

На ходу спрыгнув с трамвая и окинув беглым взглядом маленькую пушку, что стоит на высоком каменном бугристом пьедестале, и те пулевые пробоины в старой, видавшей виды, щербатой, как оспа, заводской стене, спешу к проходной. Сипло и властно отгудел второй гудок — осталось пятнадцать минут до начала смены — успею. Я иду на завод, я уже не «фабзайчонок» какой-то, я — рабочий, как все идущие рядом по нашей заводской и черной от копоти литейного цеха улице. У меня уже есть свой маленький табельный пятачок на доске, с моим личным номером, который надо снять утром и повесить обратно вечером. Я иду на работу в свой первый сборочный цех, который рядом с проходной глазеет овальными большими и дымчатыми стеклами на мою вчерашнюю школу — новое здание ФЗУ. Его я уже окончил. Это было совсем недавно, вроде бы вчера, когда я сдал мою последнюю зачетную деталь — основание суппорта маленького токарного станка для МТС и мне дали третий (не второй), именно третий разряд токаря по металлу.

Я иду к своему станку, к своим резцам в тумбочке рядом, которые тоже меня научили в ФЗУ закаливать под вишневый цвет и затачивать так, чтобы стружка шла ровной, красиво вьющейся, оставляя после себя блестящую, словно полированную поверхность. И не надо мне напильника: мои втулки и замысловатые поршни должны отвечать размерам — под микрометр! — без него. Нужен только глаз и добрая рабочая хватка токаря. И я очень хочу, чтобы она была у меня, эта самая хватка. Но запороть деталь можно запросто, с ходу, как говорит наш старый мастер Иван Иванович Болдырев, даже не меряя ее своим неразлучным штангелем, а только посмотрев из-за моей спины: «Выбрось — брак!» Уши мои враз становятся красными. А я ведь уже настоящий рабочий и слышу укоряющий голос доброй тети Нади — крановщицы: «Нечего зевать по сторонам, трудись без брака, ведь тебе платят два раза в месяц зарплату и выдают в магазине два (целых два) фунта хлеба, друг, вот что!»

Война ворвалась в нашу жизнь внезапно. Мне сегодня вспоминается первый, тяжелый день — 22 июня. Я далеко от

линии фронта, командир взвода курсантов Оренбургского зенитно-артиллерийского училища. Четкий курсантский строй, плечо к плечу, затылок в затылок, одно дыхание. Комиссар училища полковой комиссар Барьюдин пламенем слов своих прожигает наши сердца. Он говорит о священном нашем долге, и ты понимаешь это с полуслова, забыв, отбросив, отодвинув куда-то вдаль свое личное, оставляя только одно — Родина. На фронт! Не пускают, объясняют спокойно и кратко — нужно готовить кадры.

В начале 1942 года начальником училища был назначен полковник Чемеринский (бывший наш командир дивизиона, один из первых наших наставников, воспитателей), уже умудренный боевым опытом, защитник тревожного неба Москвы 1941 года. Учебный процесс перестроен по-новому: мы должны учить тому, что необходимо на войне, и готовить не только зенитчиков, но и людей, умеющих стрелять из всех видов оружия, метать гранаты по танкам, рыть окопы.

Наконец свершилось — поезд несет нас в Москву, на формирование, на фронт! Три дня в Чернышевских казармах, что и ныне стоят у Даниловской площади. В те дни по приказу Ставки был сформирован наш 885-й зенитно-артиллерийский полк, вписавший немало героических страниц в противовоздушную оборону Заполярья.

Ярославский вокзал, скрипучие теплушки, перестук колес все четверо суток подряд с остановками, на которых надо было напиться паровозу и нам, станции, где кормили досыта одной только кашей с крутым кипятком. Красные кубики в петлицах уже сменили на зеленые — фронтовые. Последний разъезд, край земли нашей, окно на север — Мурманск. Прямо на железнодорожном пути наш эшелон (о, чудо, не верю своим глазам) встречает подполковник А. Колесников, начальник артиллерии Мурманского дивизионного района ПВО (бывший заместитель начальника нашего училища). Утром следующего дня убеждаемся, как велика и безгранична мощь государства нашего, как щедр Урал — «опорный край державы, ее добытчик и кузнец». Разгружаем новенькие, еще пахнущие свежей камуфляжной краской, ни разу не стрелявшие наши легендарные 85-мм зенитки и приборы управления. Урчащие, неторопливые трактора ЧТЗ развозят их на заполярные сопки с огромными валунами, с чахлыми карельскими березками и почти метровой толщины мохом ягелем. Все остальное носим на руках.

Налеты следуют за налетами. Фашистам не удалось взять город и порт с суши, теперь они с ожесточением бомбят его и палят зажигалками. А город в основном рубленый, деревянный,

даже тротуары из досок сделаны. От налета к налету, с утра до ночи, с ночи до утра с боями и потерями оттачивалось наше зенитное мастерство, повышалась точность огня, росло число сбитых стервятников. Тут, у орудий, росла и крепла наша фронтовая дружба.

Мои фронтовые друзья — командир батареи, а затем и дивизиона капитан Анатолий Водолазский, ныне доктор исторических наук, профессор; полковой врач, военврач 3 ранга Володя Некрасов, заслуженный врач РСФСР, чудесный хирург, начальник одного из хирургических отделений Главного военного госпиталя имени Н. Н. Бурденко; и наш комиссар парковой батареи, младший политрук Т. Горкунов — заведующий сектором ЦК ВЛКСМ; и бывший старший арттехник дивизиона Юрий Бахшинов — начальник главка одного из министерств, и многие другие — все мы остались верны этому великому чувству Родины, чувству, которое пронесли через войну и через всю свою жизнь. Я не могу не сказать о мужестве и доблести наших солдат и сержантов и с особой теплотой вспоминаю вас, девушки-зенитчицы. Вы прибыли к нам в полк зимой 1942 года как посланцы доброй и трудовой, замечательной своими делами Вологодской области. Мы, мужчины, никогда не забудем ваш солдатский подвиг.

После завершения разгрома противника в Заполярье в октябре — ноябре 1944 года (в те дни я командовал 426-м отдельным Краснознаменным зенитным дивизионом) нас перебросили на запад. В моем личном архиве сохранилась небольшая фронтовая фотография последних дней войны, когда после успешного отражения внезапного налета на Варшаву и особенно на варшавские мосты — артерию, питавшую наши войска перед решающим наступлением на берлинском направлении, многие из дивизиона были награждены орденами и медалями.

Отгремела война. Многие из нас, офицеров, пошли в академические аудитории, учились и дальше «военному делу настоящим образом». А потом несли свои знания в войска, готовили людей к трудным испытаниям современного боя. Было нелегко, но всегда нас согревало святое и светлое чувство любви к своему социалистическому Отечеству. С чувством Родины в сердце мое поколение вставало и шло в атаку, побеждало, падало в сражениях и уходило в бессмертие. Поколение, которое и сегодня работает так же самозабвенно и горячо там, куда его и каждого из нас лично посылает ленинская партия.

Нельзя забыть и это. Куба. Октябрь 1962 года. Мы, советские люди, учимся испанскому и учим наших друзей русскому, всему

тому, что умеем делать сами, чему нас научила от рождения наша Отчизна.

Тревожные дни и недели карибского кризиса. Американский империализм пытается задушить молодую республику. Вся Куба в окопах. И когда в пятидесятиградусную жару с мощными, но короткими тропическими ливнями врывается звенящий гул американских реактивных самолетов, взлетевших с ближайшего авианосца, когда острейший рубеж войны и мира проходит здесь, на этом самом рубеже, мы еще больше чувствуем верное и спокойное сердце своей далекой Родины — Союза Советских Социалистических Республик, всегда сверяем свои часы с размеренным и знакомым с детства боем Кремлевских курантов Спасской башни. И здесь, за тридевять земель, где непременно быть надо, знаю, что горячая земля Кубы мне так же дорога, как земля моей России, земля, которая согревала мои детские босые ноги. Эта кубинская земля мне также дорога, как земля моих берез и тополей, степей и строек, земля моих отцов, моих дел и моих мыслей.

Мы, ровесники Октября, и сейчас продолжаем жить этим святым чувством Родины, оно всегда помогает нам смотреть дальше, видеть больше, любить крепче, думать и делать лучше. Так надо было и так стоило нам жить!

И. Дынин, полковник
ПАРТИЕЙ МОБИЛИЗОВАННЫЙ

Николаю Петровичу Богданову перевалило за восемьдесят. Ни морщинами, ни сединой время не обделило ветерана. Только в одном оно оказалось бессильно. Свет его памяти не потускнел с годами, не стал расплывчатым за частоколом лет. События, происшедшие в начале века, он рисует так отчетливо и ярко, будто все это произошло с ним вчера…

Это было летом 1912 года. Бродячая строительная артель расположилась на отдых. У каждого узелок с харчами, свой топор, свой рубанок. И почти у всех в руках одна и та же пестрая газетенка — «Копейка». Подрядчик проявлял непонятную щедрость, приобретая за свой счет для артели бульварный листок. Это сейчас Николай Петрович знает, почему хозяин одарял их «Копейкой»: пустые, развлекательные статейки

преследовали цель отвлечь мысли рабочих от нужд насущных.

Вот и в тот день, усевшись в сторонке, Богданов развернул газетку. Но подошли парни в студенческой форме.

— Забавляетесь «Копейкой»? — улыбаясь, спросил один из них и добавил: — Не тем занимаетесь, мужики. Надо читать рабочую газету.

Оглянувшись по сторонам, он протянул небольшой пакетик. Развернув его, Богданов увидел броский заголовок: «Правда». Вчитался в первую заметку и не мог сдержать своего восхищения: «Да это же все про нас, про наши невзгоды и беды». И пошла «Правда» по рукам, от одного строителя к другому. И заметил Николай: берут газету не так, как «Копейку», а бережно, читают внимательно, одобряют написанное, обсуждают между собой.

Следующий номер «Правды» он раздобыл сам, а потом стал ее распространителем.

Нередко случалось и так. Передаст газету строителю, а тот хватает его за рукав:

— Ты не уходи, Коля, я ведь неграмотный, прочитай, что тут для нас написано.

Так постепенно Николай Петрович приобретал опыт пропагандиста, а затем вступил в нелегальный кружок. Люди чувствовали, что он связан с большевиками, тянулись к нему, прислушивались к его словам. Не дремали и шпики. Вскоре Богданов был арестован. За первым арестом последовал второй, но вновь удалось вырваться из рук охранки. Третий арест по воле случая стал памятным на всю жизнь. Именно в тот момент, когда Богданова переправляли в Сущевскую тюрьму, один из товарищей сообщил ему радостную весть о том, что он принят в партию большевиков. Было это в декабре 1914 года.

И еще запомнилась Николаю Петровичу ночь в канун Октября, когда он увидел Владимира Ильича Ленина. Колючий холодный ветер. Костры у Смольного. Солдаты с ружьями. Матросы. И много рабочих. В коридорах и залах штаба Революции не протолкнуться. И вдруг словно живительный ветер пробежал по Смольному:

— Ленин!..

Появление Владимира Ильича словно всколыхнуло людей. Случилось так, что отряду, которым командовал Богданов, после того, как удалось захватить Балтийский вокзал, здание Гознака и другие важные объекты, было поручено охранять Биржевой мост, связывающий Васильевский остров с Петроградской стороной. Сам строитель, возглавляя отряд рабочих-строителей, он берег то, что создано было народом. Берег для народа. Именно в этом Николаю Петровичу виделся главный смысл революции:

победить, чтобы строить новую жизнь. И символично, что бывший Биржевой мост в Ленинграде носит теперь новое имя. Он назван мостом Строителей.

В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» есть такие слова:

> «Ожесточенному вооруженному, политическому и идеологическому сопротивлению реакции, дезорганизации экономики и контрреволюционному саботажу, кровавому буржуазному террору рабочий класс противопоставил высочайшую организованность и сознательную дисциплину, сплоченность вокруг Коммунистической партии, революционную бдительность».

В газете, которая лежит перед Николаем Петровичем, эти слова подчеркнуты красным карандашом. Перечитывая их, он снова и снова возвращается памятью к тем тревожным и далеким дням, о которых говорится в этом важнейшем партийном документе…

Члены правления Союза строительных рабочих Петрограда были встревожены. На стройках царила разруха. Банкиры не выдавали денег. Промышленники занимались саботажем. Подрядчики разбазаривали инвентарь и материалы. Строители не получали зарплаты. Назревали голод и безработица.

— Надо идти к Ленину, — решили члены правления.

Так Николай Петрович Богданов в декабре 1917 года встретился с Ильичем.

— Ну, рассказывайте, какой же у вас вопрос, товарищи? — спросил Ленин, когда все уселись.

Слушал внимательно, изредка бросая взгляд на Дзержинского, который присутствовал при этом разговоре. Казалось, жалобы строителей не были для него неожиданными.

— Что делать, говорите? Сломить саботаж подрядчиков, ударить по их коварным планам, заставить через Ревком выплатить то, что заработано.

Ленин попросил Дзержинского оказать помощь строителям, а им посоветовал наладить рабочий контроль, взять на учет весь инвентарь, материалы, следить за их распределением, а главное — учиться хозяйствовать. Если надо, обращаться за помощью к старым специалистам, привлекать их на свою сторону.

И однажды в бывший особняк князя Юсупова, где размещался Петроградский совет профсоюзов, вошел высокий худощавый человек интеллигентного вида.

— Я инженер Графтио, — представился он. — Мне поручил Ленин подготовить смету Волховского строительства…

Потом, когда Николай Петрович станет председателем ЦК профсоюза строителей, членом ВЦИК и ЦИК СССР, а Генрих Осипович Графтио возглавит строительство Волховской ГЭС, они станут хорошими друзьями, будут не раз встречаться и на рабочих площадках, и на различных совещаниях. В тяжелое время разворачивалась эта стройка. Контрреволюция делала свое черное дело. Не раз поднимались вопросы о том, чтобы законсервировать Волховстрой «до лучших времен». Вмешался Ленин: Графтио написал Ильичу письмо. И угроза была отведена.

Николай Петрович вспоминает, как во время VIII Всероссийского съезда Советов к нему подошел улыбающийся Графтио и воскликнул с пафосом:

— План ГОЭЛРО — это грандиозно! Мы его выполним. Ведь нас поддерживает сам Ленин.

На столе в московской квартире Богданова лежит незаконченная статья. Он пишет воспоминания о строительстве в Грузии Земо-Авчальской ГЭС, которой летом этого года исполняется 50 лет. Строка к строке рождается волнующий рассказ о том, как претворялся в жизнь замысел этой гидростанции, как Ленин написал Г. К. Орджоникидзе, что борьба будет трудная, и просил собрать для него лично весь материал, касающийся возведения ГЭС. Николай Петрович пишет о том, как они с Г. М. Кржижановским выступали перед строителями Земо-Авчальской ГЭС, о нелегких и героических буднях тех лет.

— Более полувека я строил, — говорит он, — а теперь вот работаю за столом. Знаете, что написал в президиум VIII Всероссийского съезда Советов один из его участников? Прочитайте.

На газетной странице рукой Николая Петровича выделены слова:

> «Если через пятьдесят лет выживет хоть один из нас, здесь присутствующих, пусть он расскажет внукам об этом съезде и о людях, которые боролись, жили и мучительно творили в великие годы русской революции».

Среди наград, которых удостоен Николай Петрович Богданов, есть три медали: «За оборону Одессы», «За оборону Сталинграда» и «За оборону Кавказа».

Весной 1941 года он был назначен начальником

строительства крупного железнодорожного моста под Одессой на линия Колосовка — Водопой.

Обстановка была тревожной. Грозный вал второй мировой войны катился по Европе. Надо было спешить. И Николай Петрович с головой ушел в работу. Быстро росли на берегу бараки, появились кузница и столовая, баня и обувная мастерская. И вот уже первые сваи вздыбились над водой.

Но радио принесло тревожную весть: война. И в первые же дни над стройкой появились бомбардировщики. Пришлось создавать из рабочих истребительный отряд. Надо было охранять стройку от возможных диверсий, а также вести огонь по вражеским самолетам, которые снижались до бреющего полета.

Фронт приближался. Из Одесского военного округа поступил приказ возводить через Южный Буг паромные переправы. В короткий срок эта задача была выполнена. Переправы взяли на себя весь огромный поток войск, техники и беженцев. И хорошо, что Николай Петрович настоял тогда на строительстве ложной переправы. Не раз и не два фашистские бомбардировщики целыми армадами пикировали на нее. А в это время по основным путям шли воинские части, двигалась боевая техника.

К осени 1941 года усложнилось положение под Москвой. Фашисты наступали. Враг стремился перерезать основные магистрали, по которым шла нефть. Правительство приняло решение построить новую железнодорожную линию от Кизляра вдоль Каспия до Астрахани, соединив ее с Рязано-Уральской дорогой. Но для этого нужно было в короткие сроки соорудить железнодорожную паромную переправу через Волгу. Причем согласно заданию она должна была пропускать в сутки до 10 пар поездов.

Начальником строительства этой переправы был назначен Николай Петрович Богданов.

Он и сейчас волнуется, когда рассказывает о тех днях. Нет оборудования. Не хватает металла. Рабочим негде жить. Стужа. Бомбежки. На помощь пришли Сталинградский обком и Астраханский окружном партии. Было мобилизовано местное население. Появились лебедки, для копров приспосабливали оборудование местных предприятий.

А враг подходил все ближе. В районе стройки однажды появились даже фашистские танки. Рабочие получили оружие, из них был организован истребительный отряд. Все понимали значение переправы. И даже во время бомбежек люди не уходили в укрытия.

4 августа 1942 года из Кизляра на Рязано-Уральскую дорогу прошел первый состав с бензином. А вскоре на переправе уже

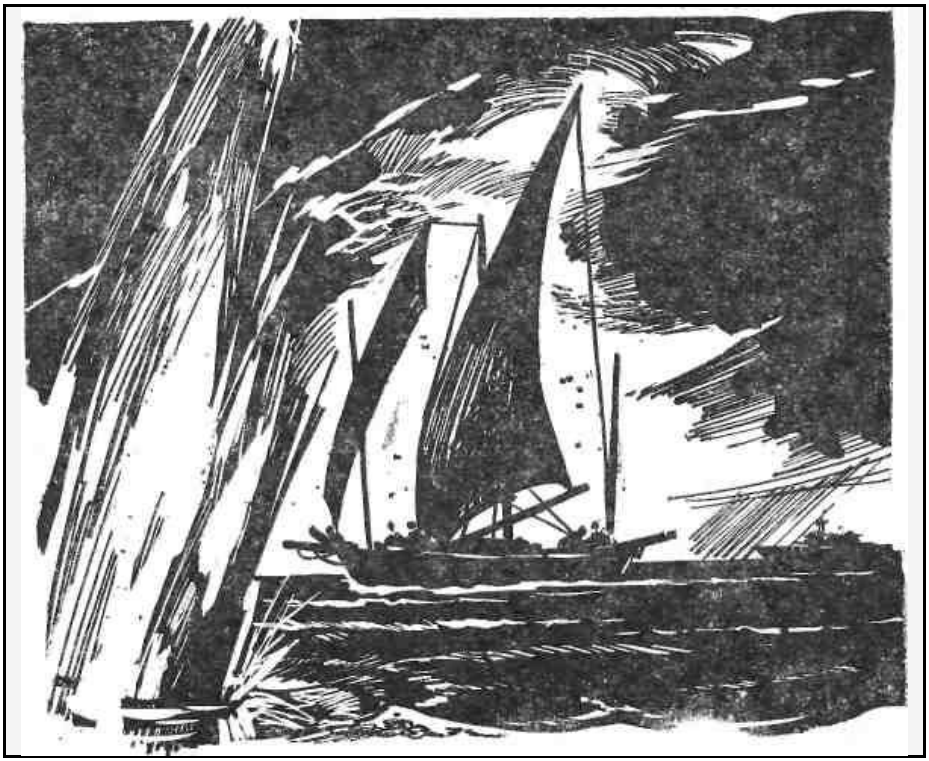
работало более десяти паромов, столько же пароходов, несколько буксиров и катеров. Бесперебойно заработала живительная артерия, по которой кавказская нефть шла для нужд фронта и народного хозяйства. В истории Великой Отечественной войны эта стройка названа великим трудовым подвигом. А Николай Петрович Богданов как один из участников и руководителей этой стройки был награжден орденом Трудового Красного Знамени, который вручил ему М. И. Калинин.

Трудно перечислить стройки, в которых принимал участие старый большевик. На Бородинском мосту в Москве работал еще подростком. И Калининский возводил. И мост на линии метро у Киевского вокзала. И по стране поездил. Прокладывал стальные пути через Обь, Иртыш, Енисей, Стрый, Даугаву. Возводил переправы войны.

Тогда, в октябрьские дни 1917 года, еще не остыв после ночного боя, Николай Петрович Богданов спешил в Смольный. Строительные рабочие избрали его своим депутатом, и он должен был принять участие в историческом заседании Петроградского Совета. Там под несмолкаемое «Ура!», под бурю рукоплесканий Владимир Ильич Ленин провозгласил с трибуны победу социалистической революции. А сегодня на груди ветерана партии рядом с другими наградами сияет орден с изображением «Авроры», орден Октябрьской Революции.

2 ноября 1977 года в Кремлевском Дворце съездов на торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, первое слово после доклада было предоставлено ему, участнику Февральской и Октябрьской революций. Взволнованно и проникновенно говорил Николай Петрович Богданов о тех, кто под знаменем ленинской партии участвовал в революционной борьбе, кто героически сражался в годы гражданской войны, о своих незабываемых встречах с Владимиром Ильичем Лениным.

И. Золин,
контр-адмирал в отставке
ЭТО БЫЛО НА КАСПИИ



Это рассказ о малоизвестной странице борьбы за Советскую власть в Закавказье. Поиск и изучение архивных документов, встречи и беседы с ветеранами революции позволили восстановить некоторые события, связанные с деятельностью на Каспии так называемой «Морской экспедиции».

Созданная по указанию ЦК РКП(б) и скрытно работавшая под руководством Кавказского краевого комитета партии и Реввоенсовета 11-й армии, лично С. М. Кирова эта экспедиция поддерживала связь между Астраханью и Баку, перебрасывала через вражеские кордоны партийных работников, оружие, политическую литературу, бензин, масла.

Опасный рейс

В тот осенний день 1919 года в рабочем кабинете Сергея Мироновича Кирова было людно. Из Москвы в Астрахань только что прибыла группа товарищей для подпольной работы в Закавказье. Группа состояла из девяти человек. И всех их нужно было срочно переправить в Баку, где в ту пору хозяйничали мусаватисты.

Ознакомившись с заданием группы, Сергей Миронович пригласил к себе представителя по особым поручениям при Реввоенсовете 11-й армии Петра Самойловича Каневского, члена партии с 1914 года. Это был смелый, находчивый человек, опытный разведчик, который, как свидетельствует один из архивных документов, подписанных С. М. Кировым, «неоднократно исполнял ряд чрезвычайно важных и ответственных поручений за фронтовой полосой». Ему-то и было дано задание подыскать для группы человека, хорошо знающего обстановку в стане врага, подобрать для переброски подпольщиков добротную лодку-рыбницу, укомплектовать ее надежным и опытным экипажем, обеспечить людей оружием, продовольствием.

На сборы ушли считанные дни. В поисках сопровождающего остановились на кандидатуре коммуниста Мячеслава Рошковского, поляка по национальности. Он много плавал по Каспию, отлично знал Бакинский архипелаг. Отменными моряками были и другие члены команды. С их помощью выбрали двухмачтовую рыбацкую лодку недавней постройки. На складе получили четыре винтовки, патроны, гранаты, а также продукты питания. Для маскировки запаслись и рыбацкими снастями, порожней тарой. Приняли на борт пассажиров.

Перед выходом в море Каневский напутствовал экипаж:

— Будьте осторожны, товарищи. Обстановка тревожная. Противник обеспокоен рейсами наших лодок между Астраханью и Баку. Сторожевым дозорам дано указание топить подозрительные суда. Особенно остерегайтесь встречи с вспомогательным крейсером «Слава». На нем стоят дальнобойные пушки.

И вот растаял за кормой родной берег. Впереди расстилалось море, полное неожиданностей и опасностей. А тут еще вдруг стих ветер. Паруса обвисли. Пришлось стать на якорь. Чтобы не вызвать подозрений у проходивших кораблей и судов, занялись рыбной ловлей.

Попутного ветра ждали недолго. Сильный, порывистый, он развел большую волну. Лодку сильно качало, но Рошковский вел ее уверенно, твердо выдерживая курс.

К исходу дня на горизонте показались мачты крупного корабля. Продолжая вести лодку полным ходом, Рошковский опознал в корабле крейсер «Слава». Сразу же приняли решение изменить курс, уйти на мелкую воду в надежде, что крейсер туда не сунется. Но противник засек лодку и, повернув к ней, пошел на сближение. Над морем прогремел выстрел. Снаряд с воем пролетел над лодкой и поднял впереди по ее курсу столб воды. Второй снаряд лег за кормой.

— Взяли в «вилку», — с тревогой произнес один из пассажиров. — Отворачивай, маневрируй! Сейчас перейдет на поражение.

Но третьего выстрела не последовало: крейсер быстро приближался к лодке.

На лодке распределили между собой оружие и условились: врагу не сдаваться, отстреливаться до последнего патрона, при сближении пустить в ход «лимонки», а лодку поджечь.

Однако крейсер вынужден был прекратить преследование: идти дальше ему не позволяла глубина. Еще долго прожекторы вражеского корабля шарили по волнам, ища рыбницу. А она, пользуясь сгустившейся темнотой и усилившимся ветром, уходила все дальше и дальше на юг…

У дагестанских берегов встречные рыбаки сообщали, что военных кораблей в здешних местах им не попадалось. Чьих кораблей? Этот вопрос не стали уточнять. Поинтересовались только, где лучше всего пристать к берегу. Рыбаки посоветовали сделать это у поселка Яшма, недалеко от которого проходит железная дорога. Так и поступили.

Под покровом темноты спустили на воду имевшийся на рыбнице подъездок, и двое из экипажа сошли на берег. Вернувшись, они сообщили, что до железнодорожной станции не более пяти километров. На лодке посовещались и пришли к заключению, что лучше пересадить московских товарищей на поезд. Собрали и упаковали в чемоданы деньги, предназначенные для большевистского подполья в Закавказье, литературу. На пути к станции никого не встретили. Благополучно прошла и посадка в поезд.

Вернувшись на рыбницу, экипаж поднял паруса. Моряки шли в Баку, чтобы передать товарищам из краевого комитета партии об успешном выполнении задания и получить дальнейшие указания.

Операция «Ван»

Баку жил своей жизнью. В центре раскинувшегося над бухтой амфитеатром города работали магазины, рестораны, гостиницы. В одной из них — гостинице «Лондон» — Рошковский и его товарищи, оставив рыбницу на якоре, и провели ночь.

На другой день Рошковскому удалось встретиться с активным партийным работником Гамидом Султановым, также прибывшим в Баку из Астрахани. Султанов организовал Рошковскому встречу с Анатолием Федоровичем Лукьяненко, который был известен под партийной кличкой Ян. Он являлся организатором и руководителем особого морского экспедиционного отряда Кавказского краевого комитета большевистской партии, а легально работал в порту и пользовался доверием администрации.

Лукьяненко помог Рошковскому устроиться кочегаром на пароход «Ван». На этом небольшом двухмачтовом судне, совершавшем переходы от Баку до персидских портов, Рошковский и проработал до апреля 1920 года.

К тому времени «Морская экспедиция» уже имела в своем составе 13 хорошо оборудованных лодок. Через подставных лиц подпольщики заключали договоры на поставку высокосортных нефтепродуктов в Персию. Но в море лодки меняли курс и следовали в Астрахань.

По заданию краевого комитета партии было решено при удобном случае захватить и «Ван» и угнать его в советский порт Красноводск. Выполнение задания было поручено уполномоченному краевого комитета партии И. Довлатову, а также А. Лукьяненко и М. Рошковскому.

Для проведения операции необходимо было подобрать верных и отважных людей. Помог случай. Как-то в Рабочем клубе (был тогда такой в Баку) Рошковский встретил своих астраханских друзей — И. Погребного и Ф. Присяжненко. К подготовке операции они привлекли и рулевого парохода «Ван» Е. Фролова.

Оставалось найти лишь судоводителя. И Рошковский стал присматриваться к третьему помощнику капитана «Вана» Г. Балакину. Человек он был малоразговорчивый, необщительный, к происходившим событиям относился скептически. Впрочем, не ко всем. Интересовался фронтовыми новостями, сообщениями из Астрахани, тем, что происходило в Рабочем клубе.

Однажды, обращаясь к Рошковскому, Балакин спросил:

— Что нового в клубе?

Да все то же. Ведут разговоры, что красные готовят наступление, будто их корабли уже вышли из Астрахани.

— Дай-то, боже! — вырвалось у Балакина.

Рошковский сделал вид, что не придал значения этому возгласу, и продолжал:

— Еще говорят, вроде на крейсере «Австралия» матросы арестовали офицеров и ушли в Красноводск. Большевики призывают всех моряков переходить на их сторону.

Спустя несколько дней после этого взволновавшего Балакина разговора Рошковский, зайдя в каюту помощника напитана, как бы между делом обмолвился:

— Посыльный корабль «Часовой» поднял красный флаг и встал на сторону Советов.

— И тоже ушел в Красноводск?

— Говорят, туда же.

— А мы снова идем в Энзели, — с огорчением промолвил помощник капитана.

— Так, может быть, и нам в Красноводск? — неожиданно предложил Рошковский. — Выйти вроде бы в Энзели, а затем изменить курс. Ведь до Красноводска — рукой подать.

Балакин внимательно посмотрел на Рошковского. Подошел к двери каюты, плотно прикрыл ее, накинул крючок. И между ними состоялся откровенный разговор. Узнав, что план операции уже продуман, что для ее проведения подобраны верные люди, вплоть до рулевого, что определена и судьба пассажиров, которых предстояло взять на борт парохода, помощник капитана дал свое согласие. И тотчас же предложил привлечь к делу своего друга, штурмана с «Тегерана» Кутрина и поставить его на руль.

С помощью большевиков-подпольщиков Рошковскому удалось достать несколько револьверов, которые незаметно пронесла на пароход жена рулевого Фролова, пришедшая проводить мужа.

Перед самым выходом из Баку Лукьяненко вручил Рошковскому хранящуюся ныне в Бакинском партархиве записку следующего содержания:

> «Красноводскому ревкому. Пароход по указанию т. Яна угоняется из Баку с ведома и разрешения Кавказского краевого комитета. Член ККК Виктор».

Это была записка В. И. Нанейшвили, ставшего потом секретарем ЦК Компартии Азербайджана.

После таможенного досмотра 17 апреля 1920 года «Ван» вышел в море. Рошковский и его товарищи были наготове и ожидали лишь удобного для действий момента. И вскоре он настал. Когда Балакин заступил на вахту, а капитан и механик спустились с мостика в салон поужинать, моряки приступили к операции. Выждав некоторое время, они быстро вошли в салон и

закрыли за собой дверь. Капитан удивленно поднял на них глаза.

— Именем Советской власти вы арестованы! — объявил Рошковский.

Капитан в испуге вскочил, но тут же сел, увидев в руках моряков револьверы.

У салона выставили вооруженного часового. Рошковский поднялся на ходовой мостик и предложил Балакину изменить курс. Прозвучала команда:

— Лево руля! Курс… на Красноводск!

Стоявший на руле штурман Кутрин тут же выполнил команду. Пароход резко взял влево. И в этом было что-то символическое. Изменялся не только курс движения судна, но и менялась дальнейшая судьба людей. «Ван» уходил к берегам, где победно реял красный флаг Страны Советов.

Известие о перемене курса экипаж судна воспринял с удовлетворением, чего нельзя было сказать о некоторых пассажирах.

Операция развивалась успешно. Беспокоило одно: не встретиться бы с кораблями противника. Уже сам курс судна к советскому берегу мог вызвать подозрение. На ночь у косы Бековича стали на якорь. Для предосторожности судно затемнили. Усилили наблюдение.

Ночь прошла спокойно. Утром «Ван» снялся с якоря и вошел в Красноводскую бухту. Все четче и рельефнее вырисовывались контуры горного кряжа, у подножия которого раскинулся город. Усиленно бились сердца людей. Какова будет встреча? Вскоре моряки увидели, как от пристани отошел и направился к ним сторожевой корабль.

«Ван» получил разрешение подойти к пристани. А затем на причале состоялся митинг, после которого на судне был торжественно поднят красный флаг.

В те дни во фронтовой газете «Набат революции» появилась заметка:

> «В Красноводск прибыл пароход «Ван», вышедший из Баку с грузом, адресованным в Ленкорань-Энзели. В море коммунисты команды арестовали командный состав, а пароход направили в Красноводск. Груз содержит ценные товары: 200 бидонов бензина, 6000 пудов сахара, мануфактуру, медикаменты, бумагу, стекло».

С тех пор прошло почти шесть десятилетий. Уже нет в живых участников описанных событий. Но героические подвиги каспийских моряков и рыбаков живут и будут жить в сердцах и

памяти советских людей.

Д. Исаков, майор в отставке ВСЯ ЕГО ЖИЗНЬ

1

Когда я спрашиваю себя, кто такие большевики, которые участвовали в революции, защитили ее, превратили нашу страну в величайшую державу мира, передо мной встает образ человека, которого знаю около сорока лет. Он, бывший балтийский матрос, стал моим идеалом и дал мне жизненную дорогу…

Академик С. ХРИСТИАНОВИЧ

Матросский бушлат Ваня Петров надел в 1916 году и сразу — в море. Но и до этого успел набедоваться, изведать всякого лиха на непосильных для мальчишечьих плеч батрацких работах. Только две зимы, да и то с грехом пополам, отходил в школу.

Науки в наймах постигал: на Волге, в плавании на купеческих судах в мотористы выбился, а на зимних ремонтах тех же судов — в слесари.

«Ремесло не коромысло, плеч не оттягивает, а выручить может». Правоту этих слов на себе испытал, когда стал матросом и попал в экипаж подводной лодки. Правда, плавал недолго. Неподалеку от Риги лодка стала тонуть. Беда случилась в моторном отсеке. Петров не растерялся, нашел способ выбраться и другим помог спастись.

Экипаж затонувшего корабля «пораскидали» кого куда. Иван Петров попал в Кронштадт. Там-то и сблизился с большевиками, из уст подпольщиков узнал ленинскую правду о мире, о земле и свободе. Там шагнул в революцию. С кронштадтским отрядом прибыл в октябрьские дни в Петроград, в цепи 2-го балтийского экипажа шел на штурм Зимнего.

В ту же ночь матрос Петров выполнял первое задание победившей пролетарской революции — доставить в Петропавловскую крепость арестованных министров низложенного Временного правительства. А сколько других заданий, простых и сложных, приходилось выполнять в те суровые дни! Энергичный, смекалистый паренек в бушлате и бескозырке, на околыше которой все еще оставалось слово «Подводник», смело и решительно вступал в жестокие схватки с теми, кто пытался задушить революцию.

Год 1918-й. Для борьбы с англо-американскими интервентами, высадившимися на севере страны, Петроград направил в помощь красноармейским частям небольшой авиаотряд. Старшим авиамехаником и одновременно политруком отряда назначили матроса Ивана Петрова.

«Ньюпоры» везли по железной дороге на север, в сторону Архангельска. Но уже в Вологде пришлось выгрузиться. Этого требовала обстановка. Ломами и кирками выравнивали взлетные площадки, старенькие самолеты то и дело требовали ремонта, людей не хватало, а войска ждали от авиаотряда поддержки. Бессонные ночи, голод, непогода… Но была великая цель, которая рождала стойкость. И вдруг известие: двое летчиков, те, что «из бывших», дезертировали. Молодого политбойца предательство оглушило. Из оцепенения вывел комиссар Алешин:

— Мужайся, товарищ! Все надо правильно оценить и сделать нужные выводы. Эти двое и им подобные считают нас лапотниками, без них, мол, мы пропадем, не сумеем совладать с врагами, удержать власть. Пусть не надеются. А нашу слабину в грамоте надо устранять. Надо!..

Пройдет какое-то время, и прочитает Иван Петров работу

В. И. Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?», и найдет в ней ответ на многие вопросы, вспомнит комиссара Алешина, его наказ.

И снова Балтика. Петров — курсант школы морских летчиков. Подготовка пилотов ведется форсированно: фронту нужны специалисты сегодня, сейчас. Завтра может быть поздно. Но занятия приходилось прерывать. Не раз по тревоге курсанты оставляли школу, чтобы выступить против Юденича, против белогвардейских мятежей…

1920 год застает красвоенлета Петрова на Южном фронте, в боях против Врангеля. Летает он на гидросамолете М-9, столь потрепанном в боевых действиях, что его иначе и не называли, как «летающим гробом». Но другого нет. Ночью чинили, днем летали, благо, бесстрашный в небе командир звена на земле — искусный механик.

Кончилась гражданская война. Иван Петров — инструктор в Севастопольской школе летчиков. Любимец курсантов, он передает им свой боевой опыт, свои знания, свою преданность делу партии Ленина. И вдруг…

> «Рапорт. Ввиду несоответствия современным требованиям прошу уволить меня из школы. Учить молодежь сегодня должны более подготовленные преподаватели».

И подпись — «Петров».

Нет, это решение не было сиюминутным. Были раздумья, были горькие переживания, была острая боль, но главным было чувство большевистского самокритичного отношения к себе.. Он понял: его знаний не хватает, чтобы объяснить курсантам премудрости аэродинамики, отвечать на сложные вопросы. А таких вопросов возникало все больше.

— Что же будете делать после демобилизации?

— Я слесарь, — и, помолчав, добавил: — Шестого разряда.

— Красной Армии нужны летчики с боевым опытом. А чтобы хорошо знать эту самую аэродинамику, надо учиться. Готовьтесь в академию!

2

«…Присвоить звание летчика-испытателя 1-го класса. Имеет право летать на всех имеющихся самолетах днем и ночью и в любых метеоусловиях…»

Председатель квалификационной комиссии
М. ГРОМОВ,

Герой Советского Союза

Легко сказать, готовьтесь в академию. А фундамент-то какой: церковно-приходская и ускоренный курс летной школы военного времени. Если даже добавить нажитое самоучением — все равно слишком мало!

И снова вспомнились слова комиссара гражданской войны Алешина — «А нашу слабину в грамоте надо устранять…»

На двадцать седьмом году жизни, будучи отцом семейства, не просто нагонять в учении, наверстывать не по своей вине упущенное. Днем учил летать других, ночью сам садился за учебники. Брал платные уроки по математике и физике у бывшего преподавателя севастопольской гимназии Фокина. Многоопытный педагог поражался его упорству: на что другие тратили годы, Петров одолевал за недели. Осенью 1925 года он блестяще выдержал конкурсные экзамены (12 человек претендовали на одно место) и был зачислен слушателем Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского.

С первого курса он получил разрешение участвовать в испытательных работах НИИ ВВС.

Среди первых машин, которые ему довелось испытывать уже после окончания академии, был истребитель И-5. Началось с ЧП. При посадке, при абсолютном штиле, его самолет, пробежав полета метров, перевернулся. За аварию надо отвечать. В тот же день на заседании партбюро коммунисту Петрову объявили выговор.

Следующий полет — отличная посадка. Второй, третий… Оценка та же. Значит, недосмотрел что-то в тот первый раз, допустил небрежность. Нет, все было много серьезней. Шасси самолета имели скрытый конструктивный дефект. Из-за него машина становилась неустойчивой во время пробега. Петров приноровился к «хитростям» шасси, потому и садился нормально. Но сумеют ли менее опытные летчики строевых частей приноровиться к недостатку самолета?

Петров не мог, не имел права молчаливо ждать, когда жизнь сама ответит на этот вопрос. К нему не сразу прислушались: думали, ищет оправдания собственной оплошности. Он же не отступал, не сидел сложа руки. Под его руководством в мастерской было сделано конструктивное усовершенствование, которое получило признание. Петрова наградили орденом Красной Звезды.

И-15, И-16, ТБ-3, СБ, ДБ-3… Истребители,

бомбардировщики… Трудно перечислить все типы и марки самолетов, которые прошли через его руки. Многим образцам авиационной техники дал он путевку в жизнь, «учил летать». Как говорят испытатели, проверял на живучесть, пробовал на предельных режимах.

Летчик-испытатель, руководитель групп и целых коллективов, он пользовался большим авторитетом у конструкторов, работников авиационной промышленности, летчиков. Заключениям Петрова верили: они были аргументированы, квалифицированы, объективны, а главное — содержали конкретные рекомендации.

3

Этот передовой и энергичный человек, с огромным опытом практической работы в авиации и серьезными инженерными знаниями круто повернул все дело в нужном направлении и быстро завоевал авторитет у коллектива ЦАГИ…

Генеральный конструктор А. ЯКОВЛЕВ

Авиация преображалась столь стремительно, что только постоянное и глубокое проникновение в физику того или иного явления давало право считать: оценка безошибочна, самолет пойдет, более того, он еще покажет себя во всей полноте — есть в нем и запас скорости, и высоты, и маневра. Словом, испытательная работа требовала знаний, сопряженности с наукой, и Петров постигал эту науку. Он занялся проблемой штопора, понимал — решение этой задачи по отношению к тому или иному самолету давало ключ к безопасности полетов. За совокупность сделанного в этой области ему присуждают ученую степень кандидата технических наук.

Летчики довоенных лет помнят инструкции, написанные Петровым: четкие, немногословные, концентрирующие внимание на главном, они содержали множество полезных советов по эксплуатации самолета в воздухе.

В 1939 году партия направляет коммуниста Петрова на работу в ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт). Первое, с чем столкнулся новый начальник, — отсутствие четкого взаимодействия между звеньями большого научного коллектива. Между лабораториями не было свободного творческого общения. Писались диссертации, не связанные с конкретной проблематикой, с практикой.

Новый руководитель начал с того, что открыл дорогу талантам, дал ход инициативе и энергии ученых, среди которых были Б. Н. Юрьев, В. П. Ветчинкин, М. В. Келдыш, С. А. Христианович, А. А. Дородницын…

Следующий этап — соединение теории с практикой. Поначалу кое-кто из администрации недоуменно пожимал плечами: зачем приглашают ученых на аэродром, для чего знакомят с самолетами, показывают организацию полетов? А ученые, напротив, с увлечением стали вникать в летную практику, профессора И. В. Остославский и В. П. Ветчинкин сами научились летать. Обсуждения стали носить деловой и конкретный характер. В то же время был предельно облегчен доступ конструкторов в лаборатории ЦАГИ, а ученых — в конструкторские бюро. Это содружество и родило богатейшие по своему содержанию исследования, конструкторские решения, технологические разработки.

4

«До войны нашим военным летчикам удалось облетать и всесторонне прощупать особенности новых немецких боевых самолетов…»

Из служебной записки

1939 год. Командировка в Германию. Петрова включили в состав торговой делегации, которая должна была в обмен на некоторые виды сырья приобрести за рубежом машины, оборудование, в том числе и самолеты.

Нет нужды говорить об обстановке в Германии тех лет. Молодчики со свастикой на рукаве, вооруженные, наглые, бравадно маршировали по улицам и площадям, горланили песни, устраивали погромы… Словом, готовились.

Советской делегации пытались подсунуть гнилой товарец. Не вышло. Наше заявление: «За такие цены можно вести переговоры и с другими» — возымело действие. Особенно — готовность делегации возвратиться домой без заключения каких-либо торговых сделок.

Фашисты стали показывать иную технику, приоткрывать кое-какие секреты. Петров понимал: это не только торги, где жажда барыша главенствует над всем, это и скрытая демонстрация силы, запугивание, психическая атака, попытка сломить волю перед нашествием. Знал он и другое: уже близко перевооружение советских ВВС на новые самолеты, истребители и

бомбардировщики — Лавочкина, Яковлева, Микояна, Петлякова… «Только бы успеть!» — вот что его беспокоило. А пока на заводах Мессершмитта и Хейнкеля он придирчиво проверял каждый винтик, чтобы никаких отклонений от чертежа, никаких «замен». Ведь сам мастеровой, и халтуру видел за версту.

Готовую машину перед покупкой «экзаменовал» в небе: поднимал самолет в воздух, проверял на прочность, маневренность. Не только по кругу пройдет, но и петлю сделает, в штопор введет и выведет. И все для того, чтобы знать истинные возможности вероятного противника.

На закупленных пяти «Мессершмиттах-109», двух бомбардировщиках «Юнкерс-88», двух «Дорнье-215» и «Хейнкеле-100» полетали многие наши летчики. Немецкие самолеты были изучены, выявлены их сильные и слабые стороны. Соответствующие рекомендации вместе с силуэтами машин были переданы строевым частям.

5

«Наша авиация нанесла ряд сокрушительных ударов немецким танковым соединениям…

Район между Сожем и Десной для танков Гудериана стал мамаевым побоищем…»

Из статьи Ильи Эренбурга «На западном направлении».

(«Красная звезда», 13 сентября 1941 г.)

Август 1941-го. Главного инженера и заместителя командующего ВВС вызвали в Ставку. «Зачем? — размышлял генерал-майор авиации Петров, проезжая по затемненным улицам Москвы. — Какие данные потребуют: о последних испытаниях, об эвакуации научно-исследовательского института, об оснащении техникой действующих формирований? А, быть может, по докладной записке?..»

Такая записка была. И написал ее он, Петров. Она содержала некоторые соображения по массированному использованию авиации против танков. В Ставке обратили внимание на то, что главный инженер неплохо разбирается в вопросах тактики и оперативного искусства. И вот личный разговор со Сталиным. Петрову поручают самому осуществить один из разработанных им вариантов, организовать мощный удар с воздуха по танковой группе противника, прорвавшейся из района Стародуб —

Новгород-Северский в тыл Юго-Западного фронта.

В специальной воздушной операции участвовало 450 самолетов. Следя за событиями на земле и в воздухе, Петров сразу же понял, что замысел удался, танки Гудериана подверглись сокрушительному удару.

В докладе командующего войсками Брянского фронта в Ставку о боевых действиях сообщалось: только 30—31 августа уничтожено более 100 танков, 20 бронетранспортеров, над полем боя сбито 55 самолетов противника.

Петров не раз организовывал мощные удары с воздуха по фашистским войскам. Во время обороны и контрнаступления под Москвой возглавляемая им группа резерва Верховного Главнокомандования уничтожала живую силу и технику противника на дмитровском направлении, в полосе между Московским морем, Клином и Волоколамском, а затем и под Ржевом.

Командуя авиагруппой специального назначения, Петров не терпел шаблона. Вверенные ему авиационные части использовали для внезапных ударов темноту ночи и низкую облачность.

6

От имени физтеховцев, которые участвовали в создании Сибирского отделения Академии наук СССР, хочу поблагодарить Ивана Федоровича…

Академик М. ЛАВРЕНТЬЕВ,

почетный председатель Сибирского отделения АН СССР.

Еще шла воина, а генерал-лейтенанта авиации Петрова отозвали с фронта. То был период, когда в конструкторских бюро рождались первенцы отечественной реактивной авиации. И снова дела инженерные, научно-исследовательские. Новые задачи, новые задания. Более сложные, более трудные… Возглавляя большой научный коллектив, который постоянно нуждался в новых кадрах, Петров столкнулся с тем, что выпускники вузов порой очень медленно входили в курс дела, не имели достаточных навыков в исследовательской работе, с какой-то робостью включались в творческий поиск новых решений. Как поломать эту болезнь затянувшегося становления?

На память приходили годы учебы в академии, работа в НИИ, нелегкая стыковка теории и практики в ЦАГИ, беседы с

конструкторами, учеными. Петров пытается повторить свой довоенный эксперимент в новых условиях и… встречает сопротивление. Отступить? Не тот характер. Да и идеи, которые он вынашивал, имели сторонников, горячих, энергичных.

В Совете Министров его поддержали. Но как! «Идея правильная. Нужно ее решать и прямо сейчас. И лучше всего вам. Иван Федорович, взяться за это дело».

Не стану пересказывать во всех деталях историю создания нового вуза, который ныне называется Московский ордена Трудового Красного Знамени физико-технический институт. Не все получалось сразу, с первого захода, не все шло гладко, но отступать было нельзя.

Петров оставался Петровым. Некоторые недоумевали: зачем ему, немолодому уже человеку, заслуженному генералу, по многу часов беседовать с юношами, которые только вчера выдержали конкурсные экзамены? А он видел в этих первокурсниках инженеров завтрашнего дня.

И не просто инженеров, а инженеров-исследователей. Он хотел понять, сколь серьезные мотивы привлекли их в науку, какой видят они свою роль в развитии техники будущего, будь то новые кибернетические приборы, радиоэлектроника, квантовые усилители…

Многие годы проработал Иван Федорович ректором этого института. Его питомцы дерзали новыми изобретениями, смелыми открытиями, защищали докторские диссертации, становились членами-корреспондентами и академиками, лауреатами Ленинских и Государственных премий. Каждый их успех был для него большой радостью: удался, оправдал себя его эксперимент.

«Его». Он протестует против такого определения. «Я никогда ничего не добивался один, рядом со мной всегда были единомышленники, коммунисты, настоящие советские люди», — так говорит этот человек, проживший большую и красивую жизнь.

Годы брали свое. Руководство институтом Петров передал своему талантливому воспитаннику, но на покой не ушел. Многоопытного ветерана просили остаться проректором.

В один из осенних дней этого года в редакции раздался телефонный звонок. Звонили из парткома того самого Физтеха: «У нас праздник. Проректора института наградили орденом Октябрьской Революции. Приезжайте. Это замечательный человек…».

На следующий день я был в институте. Там увидел Ивана Федоровича Петрова. Человек с открытым волевым лицом, с большой седовласой головой, он привлекал внимание своими

глазами: внимательными, добрыми, чуть усталыми. Его окружали известные и еще не известные пока физики. У каждого из них было к нему свое дело. А он старался уделить внимание всем: с кем-то спорил, кому-то жал руку, кого-то шутливо журил. И я подумал: в этом общении с людьми, беззаветной преданности Родине — вся его жизнь.

В. Перцов, подполковник запаса
В СТРОЮ БОЙЦОВ РЕВОЛЮЦИИ

Пожелтевший от времени газетный лист рассказал о стойкости коммуниста-ленинца Николая Павлыка, о его мужественной смерти в застенках луцкой тюрьмы в январе 1931 года… Но он остался живым, боец партии.

За окном шумит большой город. Мы сидим в уютной квартире. У моего собеседника белая голова. В окружении темных ресниц светлая голубизна глаз, внимательных, чуть ироничных. Недавно ему исполнилось восемьдесят лет. Десять из них он провел в полицейских застенках.

Есть разные дороги в жизни. Та, которой довелось пройти ему, не может повториться. Он прошел ее, чтобы она не повторялась для детей, для внуков. Но какой бы трудной ни была эта дорога, главное — быть верным своим идеалам до конца. Только тогда выстоишь, только тогда твоя жизнь будет служить

ориентиром и примером для других. Он выбрал революцию, стал коммунистом.

Осень 1919 года. Николай Павлык добровольно вступает в ряды Красной Армии. Его учителями становятся коммунисты. Они учат отличать друзей от врагов, правду от лжи, разбираться в политических событиях, быть верным бойцом-ленинцем. Идейно закаляется, крепнет характер юноши.

Красноармеец Николай Павлык сражается против петлюровцев. В одном из боев продвижению вперед красноармейской части препятствовал сильный огонь противника. Несколько раз поднимались красноармейцы в атаку, но каждый раз осколки снарядов прижимали их к земле. И тогда во весь рост поднялся комиссар, киевский рабочий-арсеналец: «Коммунисты, вперед!» Сказанные негромким голосом, эти слова воодушевили бойцов. Павлык рванулся вперед вместе с коммунистами. В этом бою он был ранен.

В госпитале его навестил комиссар. О многом они говорили в тот вечер.

— У меня дорога одна, — сказал тогда комиссару Павлык, — с коммунистами.

Гул крестьянских восстаний потрясал Западную Украину. Николай, вернувшийся после ранения в Перемышль, оказывается в самом центре революционных событий. Он создает партийную ячейку на фабрике сельхозмашин, где работает. Ведет политическую пропаганду, настойчиво учится сам. Организованная им забастовка проходит успешно. Ряд требований был удовлетворен. Но главный итог борьбы был в том, что рабочие поверили в свои силы, убедились, что только дружными, сплоченными действиями можно добиться цели.

Идеи Великого Октября, социалистическое строительство в Советской Украине вдохновляли трудящихся западноукраинских земель на классовую борьбу с угнетателями. Эту борьбу возглавили коммунисты.

Однажды товарищи предупредили Павлыка, что за ним установлена слежка. Но скрыться из города он не успел: арестовала полиция. Прошло шесть месяцев. За отсутствием прямых улик суд вынужден был его освободить.

После выхода из тюрьмы продолжал активную революционную деятельность. Сейчас от коммуниста требовались главным образом выдержка и конспирация, великая вера в ленинские идеи. Работать в условиях подполья и разгула реакции пришел уже не юноша, а опытный революционер. Павлык не жалел сил, всего себя отдавая революционному делу. Это была

непримиримая, опасная война за умы и сердца людей. За национальное и социальное освобождение и счастье своего народа. Однажды полиции удалось напасть на его след.

…После допросов, сопровождаемых зверскими пытками и истязаниями, Николай лежал в камере-одиночке без сознания. Жандармы запретили свидание с родными и близкими. Они даже скрывали, где он находится. Пошли упорные слухи о его гибели. Дошла об этом весть и на Советскую Украину. В январе 1931 года в газете «Коммунист» был опубликован некролог. В нем отмечались большие заслуги стойкого коммуниста-ленинца Николая Павлыка в развитии революционного движения Западной Украины и Польши.

Он в это время лежал, изуродованный палачами, в тюремной камере. В Луцке шли затяжные дожди. Но, несмотря на непогоду и угрозы полиции, в память о погибшем товарище рабочие вывесили на домах траурные флаги.

Когда стало известно, что Павлык жив, в его защиту подняли голос коммунисты, все честные люди. Бастовали рабочие, объявили голодовку политзаключенные — и все ради того, чтобы он не погиб в застенке. Для него это был великий урок пролетарской солидарности и партийной верности.

В феврале 1934 года, после трех лет судебного следствия, Павлык вместе со своими товарищами по тюрьме вошел в зал, где готовилась над ним судебная расправа. Они шли гордо и смело, подняв головы, измученные, поседевшие, не сломленные.

Его приговорили к восьми годам тюрьмы.

Освободительный поход Красной Армии в 1939 году открыл новую страницу в его поистине героической жизни. Николай Иванович весь отдался партийной работе. В начале сорокового года его направляют учиться в Москву, в партийную школу. Успешно закончив ее, за три месяца до начала Великой Отечественной войны он возвращается во Львов.

С первых дней войны Павлык в строю защитников города.

В это трудное и суровое время Николай Иванович дни и ночи проводит на заводе. Руководит эвакуацией оборудования, организует рабочие дружины. В разгар этой работы на завод приехал работник городского комитета партии. Он передал Павлыку решение горкома, в котором было записано, что товарищу Павлыку предлагается остаться на оккупированной территории для подпольной работы.

— Вот ваши новые документы, — сказал работник горкома, протягивая ему бумаги.

Николай Иванович внимательно просмотрел их и

удовлетворенно улыбнулся: сделано добротно.

Каждый, кто принимал участие в войне, знает цену мужества. Опасное поручение получил Николай Павлык.

Осенью сорок первого года в оккупированном Львове и других городах все чаще гремели выстрелы и все чаще военные патрули фашистских комендатур обнаруживали трупы своих солдат и офицеров. В различных местах вспыхивали пожары. Горели склады, гаражи, дома, в которых находились фашистские захватчики. Это были первые зарницы народной мести, партизанской борьбы.

Павлык, теперь он «пан Гробовой», работает продавцом в в хозяйственном магазине, где организуется явочная квартира. Сюда приходят связные партизан. Получают инструкции, хранят оружие и боеприпасы.

Известно, что от подпольщика всегда требуется огромное напряжение сил, осторожность, выдержка. Работать в городе, где тебя многие знают и среди этих многих есть не только друзья, вдвойне трудно. Николай Иванович с честью выполняет поручение партии.

После освобождения советскими войсками Западной Украины и древнего Львова Николай Иванович принимает активное участие в восстановлении родного завода и города. Долгое время он трудится на посту заместителя председателя райисполкома. Затем его направляют на работу в облисполком.

Николай Павлык давно уже на заслуженном отдыхе. Но почти каждый день в его квартире гости, раздаются телефонные звонки. Поступают письменные приглашения: «Мы вас ждем, Николай Иванович, приходите, расскажите…» Он легок на подъем, восьмидесятилетний человек. Высокий, по-юношески стройный.

И, конечно, он частый гость в воинских частях. Помню, приехал в отдаленный гарнизон к солдатам-связистам. В ленинской комнате собрались все свободные от дежурства. Николай Иванович — отличный рассказчик. Память у него, несмотря на возраст, прекрасная.

Молодые воины слушали старого коммуниста затаив дыхание. А потом ветеран наблюдал за работой в аппаратной. Долго осматривал он сложнейшее оборудование. И чем больше вникал в суть нелегкой службы связистов, тем заметнее менялось выражение его лица. В голубых глазах появилось что-то по-юношески восторженное. Мысленно Павлык, наверное, вспоминал свое героическое прошлое.

Да, его поразила не только сложность современной боевой техники, но и то обстоятельство, что ею мастерски владеют

безусые ребята.

— Знаете, друзья, — сказал Николай Иванович своим новым знакомым, — когда слушал у вас лекцию по ядерной физике, которую читал ваш сержант, то сердце мое наполнялось гордостью. За такую жизнь стоило бороться.

…Немолодой, седой человек идет улицами большого города. Жизнь свою он посвятил народу, революции. Судьба его — яркая крупица в судьбе великой социалистической Родины.

Н. Бадеев,
капитан 2 ранга запаса
ПИТОМЦЫ «АМУРА»

Когда в Таллине подняли со дна моря минный заградитель «Амур», к матросам подошел седой человек. Назвав себя Эдуардом Яновичем Ныу, он попросил автогенщика вырезать кусочек бортовой обшивки.

— На память? — поинтересовался тот. — Когда служили на «Амуре»?

— В семнадцатом…

Эдуарда Яновича Ныу тотчас окружили моряки. Внимательно слушали они рассказ ветерана о корабле революции.

Разрабатывая план вооруженного восстания, В. И. Ленин придавал большое значение Кронштадту, революционный гарнизон которого был готов по первому зову партии большевиков выступить на помощь питерским рабочим и солдатам. Для переброски десанта в столицу Центробалт решил

использовать хорошо вооруженный минный заградитель «Амур». Задания кораблю разрабатывали и передавали П. Дыбенко, В. Антонов-Овсеенко, И. Флеровский. Моряки стали немедленно готовить корабль к приему десанта и переходу в Петроград.

Десантники были люди разного возраста, разной судьбы. В матросской форме поднялся на палубу «Амура» бывший подпоручик Семен Петрухин. Матрос-минер, он воевал на сухопутном фронте. Воевал храбро и вскоре был произведен в офицеры. В начале семнадцатого года Петрухин вернулся на Балтику и сразу же включился в революционную работу.

В числе десантников были старый матрос Владимир Зайцев, большевик с 1905 года, и недавний юнга семнадцатилетний Андрей Прокопенко, матрос машинной школы Алексей Татаринов, вступивший в партию большевиков в 1916 году…

Двухтысячный отряд десантников заполнил на «Амуре» кубрики, палубу, надстройки.

В каюте судового комитета разместился штаб Кронштадтского сводного отряда. Над картой Петрограда склонился Петр Смирнов — помощник главного комиссара, бывший студент политехнического института. Ему только исполнилось двадцать лет, но уже три года Смирнов был в рядах партии большевиков.

Утром 25 октября 1917 года «Амур» вместе с другими кораблями взял курс в Петроград.

В походе требовалась неусыпная бдительность: не исключалось, что контрреволюционеры поставят мины в Морском канале. Ведь Керенский еще летом грозил потопить любой корабль, который осмелится прийти в Петроград без разрешения Временного правительства.

Вахтенный начальник мичман Н. Вальдман направил дополнительно в качестве наблюдателей наиболее опытных матросов. Среди них был и Эдуард Ныу.

Вскоре показались фабричные трубы, ажурные стрелы кранов. «Амур», преодолевая течение, входил в Неву. Моряки «Авроры» встретили заградитель громким «Ура!». «Вся власть Советам!» — просемафорили с «Амура».

Матросы быстро высаживались на берег. Бушлатный поток забурлил на улицах..

К «Амуру» то и дело подходили шлюпки — связные передавали в штаб пакеты с донесениями отрядов.

А вскоре грянул выстрел «Авроры». Матросы с «Амура» вместе с солдатами, красногвардейцами, моряками с других кораблей пошли на штурм Зимнего. В первых рядах атакующих шли руководитель большевистской организации корабля Н. Антропов,

председатель судового комитета А. Дорогов, матрос Э. Ныу и другие.

Амурцы — и члены экипажа, и десантники охраняли Смольный, разоружали юнкеров, участвовали в защите столицы от контрреволюционных войск.

В 1918 году экипаж «Амура» в полном составе ушел на сухопутье для борьбы с интервентами и белогвардейцами. Моряки отважно сражались на всех фронтах гражданской войны. Их биографии звучат как легенды.

Защищая Петроград от войск Юденича, геройски погиб С. Петрухин. Моторист А. Татаринов сражался на юге, был командиром ударного матросского отряда имени Ленина. После войны он снова вернулся на флот, учился, потом стал учить других — бывший матрос стал генералом, начальником военно-морского училища. И. Флеровский стал главным комиссаром Балтийского флота. Э. Ныу через год после Октябрьского восстания принял командование одним из минных заградителей. «Прикипел» к флоту и бывший студент П. Смирнов — в годы гражданской войны он был награжден орденом Красного Знамени, позже стал одним из руководителей Советского Военно-Морского Флота.

А что же с «Амуром»? Корабль был поставлен на консервацию. Более десяти лет он находился в кронштадтской гавани. Осоавиахим обратился к наркому по военным и морским делам с просьбой передать ему корабль для обучения молодежи военно-морскому делу.

Так началась вторая жизнь «Амура».

На корабле были оборудованы кабинет штурманского дела, радиорубка, посты для тренировки рулевых, мотористов, сигнальщиков. В память о подвигах моряков в годы революции и гражданской войны на палубе в качестве музейных экспонатов были установлены трофейные орудия, в том числе пушки с английской подводной лодки Л-55, потопленной балтийцами в 1919 году.

Ежедневно сотни молодых рабочих, студентов, школьников старших классов приходили на корабль овладевать флотскими специальностями. От борта «Амура» каждое лето уходили шлюпки в Москву, Астрахань, Сталинград, Пермь.

На «Амур» приезжали те, кто служил на нем в семнадцатом году, — А. Дорогов, Э. Ныу, Н. Антропов и другие. Молодые ленинградцы, затаив дыхание слушали волнующие рассказы участников Октября.

В то время на палубе «Амура» можно было встретить

молодого рабочего судостроительного завода Евгения Осипова, токаря Металлического завода Бориса Нырова, кузнеца паровозоремонтного завода Алексея Клюшкина, слесаря машиностроительного завода Василия Киселева, бетонщика одной из строек Георгия, Костылева, плотника Ивана Баранова… Эти люди впишут в историю «Амура» новые яркие страницы.

Накануне Великой Отечественной войны «Амур» вновь призвали в ряды флота, он стал плавбазой. От его борта уходили сражаться с фашистами боевые корабли. И среди них тральщик, которым командовал капитан-лейтенант Э. Ныу, канонерская лодка под командованием капитана 2 ранга Н. Вальдмана — старые амурцы вернулись на флот защищать завоевания Октября. На плавбазе с уважением произносили имя бывшего юнги, участника октябрьского штурма капитана 1 ранга А. Прокопенко, проявившего мужество и высокое мастерство в борьбе с фашистскими магнитными минами.

В августе 1941 года на долю «Амура» (он находился тогда в Таллине) выпала тяжелая и ответственная задача — преградить кораблям врага путь в гавань.

> «В сумерках у морских ворот гавани, дергаясь на швартовых, громадой высится старый русский боевой корабль, минный заградитель «Амур», — писал в своих воспоминаниях бывший начальник штаба Краснознаменного Балтийского флота адмирал в отставке Ю. Пантелеев. — Он должен выполнить последний свой долг перед Родиной: после нашего ухода затонуть в воротах гавани с тем, чтобы надолго запереть их для врага…»

И старый заградитель своим корпусом закрыл путь врагу.

Воспитанники «Амура» отомстили врагу за родной корабль. Командир подводной лодки Щ-406 капитан 3 ранга Е. Осипов потопил на Балтике несколько фашистских транспортов с войсками и боевой техникой. За мужество и отвагу ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Подводная лодка, которой командовал капитан-лейтенант Б. Ныров, поставила на морских путях противника минные заграждения, причинившие большой урон фашистскому флоту.

Капитан 3 ранга А. Клюшкин, командуя подводной лодкой С-4, уничтожил несколько транспортов.

В довоенные годы на «Амуре» занимался с молодежью бывший флотский старшина Иван Гусев. В октябре 1942 года батарея на острове Сухо, которой он командовал, вступила в бой

с большим отрядом вражеских кораблей. Советские артиллеристы потопили несколько судов, а когда фашисты вступили на остров, моряки ринулись врукопашную. Пример отваги показывал офицер Гусев. Орден Ленина, которым он был награжден за этот бой, ныне хранится в одном из музеев Ленинграда.

На Севере сражался воспитанник «Амура» летчик-торпедоносец капитан В. Киселев. В апреле 1943 года его самолет от попадания вражеского снаряда загорелся. Выбрав самый крупный транспорт, летчик на пылавшем самолете прорвался сквозь зенитный огонь к судну и поразил его торпедой. Посмертно Василию Киселеву было присвоено звание Героя Советского Союза. Этого же звания удостоился и летчик Георгий Костылев, отличившийся в небе осажденного Ленинграда.

Получивший на «Амуре» начальную морскую подготовку водолаз Иван Баранов воевал на сухопутном фронте разведчиком, стал полным кавалером ордена Славы.

…Кусок бортовой обшивки с «Амура», как священная реликвия, находится в квартире Э. Ныу на самом видном месте. Глядя на нее, старый моряк вспоминает исторический семнадцатый и грозовой сорок первый годы, вспоминает героев «Амура», до конца выполнивших свой долг перед Советской Родиной.

Николай Сапфиров
СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

Эта встреча произошла лет пятнадцать назад. Я сидел на берегу Волги и наблюдал, как в тихих волнах резвятся веселые блики. Поэтому не сразу заметил стоявшего позади меня высокого, сухощавого старика с узким, продолговатым лицом и пышной белой бородой.

На горизонте показался теплоход. На его борту я прочел название: «Тихон Третьяков».

Когда теплоход поравнялся с нами, старик оживился, выцветшие глаза его засветились затаенной радостью. Он выпрямился, вскинул руку и приветливо помахал стоявшим на палубе матросам. И тотчас раздались гудки теплохода. Где-то за горизонтом им ответило эхо.

— Ишь ты, — качнув головой, смущенно проговорил старик. — Могли бы и без этого…

Меня сразу осенила догадка.

— Вы имеете отношение к этому теплоходу?

— Имею, — ответил старик степенно. — Он ведь моим именем назван. А вы, вижу, нездешний.

Глядя на весело катящиеся волны, Тихон Григорьевич вздохнул:

— Вот стою и думаю: люди стареют, а Волга, наоборот, все молодеет. Помню, когда тут еще бурлаки хаживали…

— Тихон Григорьевич, расскажите о своей жизни. Это должно быть так интересно!..

— Пожалуй, — согласился он. — Только разве обо всем расскажешь? Почти целый век прожит…

Он повернулся лицом к Волге и задумался, а затем заговорил — тихо, медленно, как бы размышляя вслух.

Предо мной возникали картины тяжелой безрадостной жизни, вырванные из мрака прошлого. Воображение рисовало старое Сормово с его грязной слободкой, полуразвалившимися деревянными домиками, мрачными будками городовых и голодным, оборванным рабочим людом. Вспомнились горьковские строки из романа «Мать»: «Каждый день над рабочей слободкой, в дымном, масляном воздухе, дрожал и ревел фабричные гудок, и, послушные зову, из маленьких серых домов выбегали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди, не успевшие освежить сном свои мускулы…»

— Все точно, — сказал Тихон Григорьевич. — Именно так мы жили. Скверно и страшно жили. Начну хотя бы с моего прадеда. Летом он бурлачил на Волге, а зимой сезонил в Нижнем. Подрабатывал, чтоб как-то семью прокормить. Ну, а дед мой, Иван Яковлевич, крестьянствовал. И ему не сладко жилось, с хлеба на воду перебивался. Когда в Сормово открылась фабрика извозного судоходства, он взял да и подался туда — в плотники. Высок был дед, плечист, силой обладал богатырской. Но фабрика быстро его обломала — инвалидом стал. Отец как-то рассказывал, что когда дед окончательно слег, он вызвал его и сказал:

— Ну, вот и конец мне, отработал. Твоя очередь, Григорий. Может, тебе улыбнется счастье?..

Но счастье ему не улыбнулось. Странствовал Григорий по городам и весям, брался за любую работу, чтоб от голода не умереть. Отчаявшись, вернулся в родное Сормово и определился слесарем на завод. Таскал многопудовые детали, рубил металл. Очень скоро надорвался и в пятьдесят лет умер, оставив на попечение сына многочисленную семью. А сыну в то время было десять лет. Пошел Тишка на завод, да мастеру в ноги:

— Возьми, дяденька, на работу. Мать больная, братишки совсем малые…

Сжалился мастер, поставил мальчонку выдергивать гвозди из вагонных досок, а когда кончилась эта работа, перевел на другую — поддувать «ширманку» для нагрева заклепок. Трудовой день — двенадцать часов, плата — десять копеек.

Не выдержал. В Нижний подался. Там будто один добрый человек бесплатно ремеслу обучает. Верно, нашелся такой. Только не добряк, а хитрюга-эксплуататор.

— Ты не ошибся, — сказал «добряк», — я действительно обучаю бесплатно, и вдобавок еще обедом кормлю. Только при одном условии: ты должен в течение года, с утра до вечера, работать в моей мастерской, и тоже без всякой платы.

Пришлось согласиться.

Через год вернулся в Сормово, уверенный, что теперь будет легче жить — специальность есть. Увы, не было легче! Вскоре обзавелся семьей, потом появились дети. Восемь ртов и один работник — попробуй выкрутись из нужды. А тут еще один сын родился — седьмой по счету. Назвали его Поликарпом.

Взял Тихон на руки это крохотное существо, долго всматривался в него, потом повернулся к жене, спросил:

— Как думаешь, кем он будет?

Та устало повела плечами:

— Таким же горемыкой, как и все мы.

— Ну, не скажи, — возразил Тихон. — Когда-нибудь счастье и к нам придет. А коль не придет, силой возьмем!

Счастье пришло в октябре семнадцатого. Узнав о революции в Петрограде, Тихон Григорьевич вбежал в цех взволнованный, крикнул что есть мочи:

— Братва, кончай работу! Временные арестованы. Буржуазии — конец! Все — на демонстрацию!..

Возбужденные, безмерно счастливые, они шли по улицам родного города и вместе со всем рабочим людом громко и вдохновенно пели:

Мы наш, мы новый мир построим…

Нелегко было строить этот новый мир. Он рождался среди разрухи и голода. Осиротели заводские корпуса. Многие ушли на фронт, а кое-кто подался в деревню. Не хватало рабочих рук, сырья и топлива. Хлеба выдавали по фунту на день, и то не всегда. А стране нужен прокат. Много проката. Для военных кораблей, бронепоездов.

Приехали как-то моряки Волжской военной флотилии, просят: выручайте, братцы! Позарез нужны броневые листы.

— Да мы с радостью, — отвечают руководители завода. — Только вот станы не приспособлены, катать не на чем.

Пошли моряки к Тихону Григорьевичу:

— Помоги, товарищ. На тебя вся надежда.

Тихон Григорьевич собрал сыновей и стал советоваться, как выполнить заказ к сроку.

Старший сын, Анатолий, сказал:

— Начнем с подбора валков. Они есть в заводской кладовке.

— Значит, решено, — заключил отец. — Броню дадим в срок.

В назначенный час приходят моряки. Видят: рядом со станом лежат новенькие, еще не остывшие броневые листы. Пересчитали: ровно столько, сколько просили.

— Спасибо, братишки! — от души благодарят. — Крепко выручили. Век не забудем!..

В двадцать четвертом, в январе, пришла печальная весть, от которой содрогнулось сердце: казалось, солнце перестало светить, и на земле наступил мрак. Именно такое ощущение было у Тихона Григорьевича.

Вечером в составе делегации сормовских рабочих он уехал в Москву, а на следующий день уже стоял в почетном карауле у гроба вождя.

Вернувшись домой, Тихон Григорьевич сказал сыновьям:

— Учиться вам надо, ребята. Так Ильич завещал.

— Я уже думал об этом, отец, — тотчас ответил Анатолий. — Поеду в Москву, в авиационный институт. Хочу стать инженером…

За Анатолием потянулись братья.

Домой возвращались с дипломами инженеров и техников. Становились мастерами, начальниками цехов, руководителями предприятий. Анатолий был назначен директором крупного авиационного завода, Александр — старшим строителем судов на «Красном Сормове». Между прочим, он руководил постройкой теплохода «Тихон Третьяков».

Вечером дома, за ужином, Александр сказал отцу:

— А мы завтра начинаем закладку нового судна. Отличный будет теплоход! — выжидательно посмотрел на старика и с улыбкой спросил: — Знаешь, как он будет называться? Ни за что не отгадаешь… «Тихон Третьяков»!

Чувство, которое испытал в ту минуту Тихон Григорьевич, он, вероятно, не смог бы выразить словами. В нем слились воедино радость, гордость и бесконечная благодарность Родине за то, что она так высоко ценит рабочего человека…

Но продолжим наш рассказ о сыновьях Тихона Григорьевича. На том же «Красном Сормове» работали еще двое из них.

Изосим — инженером-технологом прокатного цеха и Виктор — мастером механического. Пятый сын, Аркадий, был директором Сормовского хлебозавода, а шестой, Модест, возглавлял республиканское Министерство промышленности строительных материалов. Седьмой сын, Поликарп, тоже закончил институт и стал инженером.

Родина высоко оценила труд Третьяковых. Модест был избран депутатом Верховного Совета СССР первого созыва, Анатолий — второго созыва. Депутатом Верховного Совета РСФСР второго созыва был Аркадий.

Анатолий Тихонович — Герой Социалистического Труда. Многие Третьяковы были награждены орденами и медалями. Некоторые из них сражались на фронте, а оставшиеся в Сормове денно и нощно трудились на заводе, собирали танки, ремонтировали корабли.

Еще одна встреча, на этот раз в доме Тихона Григорьевича.

Глава династии отмечал столетие со дня рождения. Обычно тихая, ничем не приметная Обрубная улица на окраине Сормова стала шумной и многолюдной. С самого утра от автобусной остановки к голубому деревянному домику, утопавшему в зелени лип и кленов, шли сыновья Тихона Григорьевича со своими семьями, друзья и знакомые.

Когда наполнили бокалы, взоры всех устремились к виновнику торжества. Он стоял строгий, какой-то величественный и, охваченный волнением, долго не мог говорить.

— Дорогие мои, — негромко, но внятно начал юбиляр. — Гляжу я на вас и думаю: кем бы вы были, если б не Советская власть? Как сложились бы ваши судьбы? Нет, не стать бы вам министрами и генералами, директорами и инженерами. Мыкали бы вы горе, как я в молодости, как мой отец, дед и прадед. — Тихон Григорьевич вздохнул. Воцарилась долгая пауза. В эту минуту перед ним, наверное, промелькнула вся его жизнь.

— В хорошее время вы живете! — закончил речь Тихон Григорьевич.

Каждый оставляет на земле свои следы. Добрые следы не исчезают, продолжая жить в памяти людей. Следы Тихона Григорьевича Третьякова — в быстроходных теплоходах-ракетах, в новых цехах волжских заводов-гигантов, в молодой поросли его рабочей династии. Герой Социалистического Труда генерал-майор-инженер в отставке Анатолий Тихонович Третьяков рассказывает об этой поросли:

— Начну с брата Александра. Его сын Владимир работает на

«Красном Сормове» слесарем, дочь Ирина — инженером, вторая дочь, Нина, преподает музыку. Сын Изосима Борис и дочь Эльвира — дипломированные техники. Две дочери Аркадия — Галина и Ирма — также работают техниками. У брата Виктора два сына — Виталий и Лев — оба слесари-сборщики, а дочь Тамара — конструктор.

Там же, в Сормове, на заводе, работают сыновья Поликарпа: Олег — инженером, Константин — слесарем, дочь Нелли — конструктором…

— Теперь подобьем итог, — шутит Анатолий Тихонович. — Выходит, в Сормове трудится тринадцать представителей нашей династии. Ну, а мы с Модестом живем в столице. У Модеста две дочери — Людмила, филолог, и Маргарита, инженер-энергетик. Мой сын Виктор — военный, окончил Академию имени Жуковского. Его сын, то есть мой внук, Михаил закончил Московский авиационный институт и стал военным инженером…

Удивительна эта рабочая династия. Отцы совершали революцию, строили социализм, защищали Родину от фашистских полчищ, а дети созидают коммунизм, своими руками строят счастье.

Владимир Архипенко
ПОДВИГ ОЛЬШАНСКОГО

Немного их — нестареющих весточек от Константина Ольшанского. Его давно уже нет в живых. Остались только эти торопливо исписанные листочки бумаги, остались пожелтевшие фотографии, документы, вырезки из газет. Есть еще памятник в приморском южном городе: бронзовый офицер со вскинутой вперед рукой, а рядом с ним — матросы.

Ей не раз говорили, что в скульптуре он как живой. Она вежливо соглашается, но в глубине души считает: лишь в письмах он живой. Они хранят в себе трепетный отблеск огненных лет. В них ее тревога, боль и печаль. В них ее радость, надежды, счастье…

«Получил роту автоматчиков. Будем переодеваться в красноармейское.
9 апреля 1943 г.».

Это письмо было первым. К Екатерине Ольшанской оно

пришло всего через несколько дней после того, как они расстались. Прежде они семь лет прожили почти неразлучно.

Когда ее Костю, успевшего, несмотря на молодость, поработать помощником машиниста, слесарем и шофером, призвали служить на флот, она оставила Курск, поехала к нему в Севастополь и поступила на работу. Удивлялась, как он все успевает — в электромеханической школе быстро стал инструктором, учился заочно в институте, занимался боксом, получил права управления яхтой, играл в оркестре…

За год до войны родился сын — Валерий. Жить стало еще счастливее.

И вот ночь на 22 июня 1941 года.

В надсадном вое сирен, грохоте зениток, багровом пламени разрывов пришла в Севастополь война. Она принесла с собой и первую разлуку — Валерика бабушка увезла к родным в Курскую область. А осенью враг докатился до Крыма. С курсантами Константин отбивал атаки врага на подступах к Севастополю, а Екатерина вместе с другими женами моряков гасила «зажигалки», рыла окопы.

К зиме электромеханическую школу вывезли морем в Геленджик, а потом в Махарадзе. Ольшанского, ставшего офицером, вступившего в партию, назначили командиром роты.

Костя очень изменился в это время — словно почернел, в глазах колючий блеск. Катя хорошо понимала, в чем дело, знала, что каждый месяц он пишет рапорты, просится на фронт. Его не отпускали, считали образцовым командиром и преподавателем, способным быстро готовить пополнение для кораблей.

Позже, когда покатился на запад могучий вал долгожданного наступления, он с еще большим упорством писал рапорты. Из освобожденных от фашистов мест приходили страшные вести о зверствах захватчиков. А тут еще сжимающая сердце тревога за судьбу Валерика. Мальчик и бабушка исчезли без следа, словно растворились в кипящем котле войны.

Как-то вечером, придя со службы, Костя сел в темном углу, не снимая кителя, мучительно долго молчал. Не вынеся тяжкой паузы, Катя с тревогой спросила, не случилось ли чего. Он со стоном мотнул головой:

— Как мне добраться до этих гадов? Зубами глотки рвать буду!

В полумраке лицо его показалось чужим — жестоким и страшным. А через несколько дней пришел домой совсем другим — походка легкая, глаза словно светятся. Еще не сказал ни слова, а она вся обмякла, поняла: идет на фронт.

Перед прощанием Константин сказал задорно:

— Ну, Катусь, скоро обо мне услышишь.

— Ах, Костя, — отозвалась она, сдерживая слезы, — не гонись за славой! Знаю: себя беречь не будешь, но хоть слишком-то не вылезай.

— Ладно, — погасил он улыбку.

«Соскучился без тебя так, что трудно передать, хотя ты это знаешь, судя по себе. В последнее время побывал в боях. Теперь душа спокойна и не стыдно перед нашим народом, страной, да и… перед тобой. Сам здоров и физически и морально. Моя родная, еще предстоят серьезные дела. Богдан погиб героем. Он был награжден орд. Красн. Знамени. Посмертно… Живу сейчас, как живут все те, кто дерется за счастье страны.

15 сентября 1943 г.».

Юрия Богдана Екатерина Ольшанская знала еще по Севастополю: атлетического сложения моряк, собранный, упорный, волевой.

Юрий Богдан и Константин Ольшанский служили вместе в электромеханической школе, вместе писали рапорты и вместе ушли на фронт.

И вот уже Костя пишет о гибели друга. Вскоре стали известны и подробности.

Юрий Богдан, ставший к тому времени парторгом роты, ушел в составе десантного отряда Ольшанского под Мариуполь, в тыл фашистов. Трое суток моряки наносили удары по отступавшим из города колоннам противника. А потом у высотки 68,2 гитлеровская пехотная часть взяла наш отряд в клещи. В этом бою, длившемся с утра до наступления темноты, даже бывалые моряки были поражены мужеством парторга.

Первая пуля достала его еще утром, пробила насквозь правую руку. Он вытащил левой бинт и едва забинтовал рану, как снова схватился за автомат — фашисты лезли в очередную атаку. Около полудня вторая пуля ранила его в шею. Лежавший неподалеку десантник, увидев, как окрасилась кровью тельняшка Богдана, пополз к нему, но тот махнул рукой, крикнул матросу, чтобы держал свой сектор обороны, а сам, выпростав тельняшку из брюк, надрезал ее ножом снизу, разодрал по кругу, замотал полосатой лентой шею и снова взялся за автомат. К вечеру появилась надежда вырваться из кольца. Как раз в эти минуты осколками взорвавшейся вблизи мины Юрию Богдану перебило обе ноги, поранило спину. Товарищи подползли к нему, но он уже

не дышал, уткнулся лбом в горячий ствол…

Мертвого парторга моряки несли на руках, вырываясь из окружения. В освобожденном Мариуполе они похоронили его в парке под прощальный салют.

Вот что скрывалось за тремя словами: «Богдан погиб героем».

> **«Здесь настоящая, дружная, боевая и хорошая семья. Ребята молодые и хорошие. Мои мужики — герои, не зря враг зовет их — «черные дьяволы». Не беспокойся о Валерике. Все равно мы его найдем.**
>
> **18 ноября 1943 г.».**
>
> **«Ребята у меня хорошие. Иных, правда, уже нет, ну да не без этого. Постарел, пострашнел, немножко поседел, но узнать все равно узнаешь.**
>
> **10 декабря 1943 г.».**

Ребята у меня хорошие. Дружная, боевая и хорошая семья. А о себе — только то, что постарел да поседел. Она хотела знать, как он, что с ним, а письма, в сущности, ответа не давали. И это очень расстраивало и тревожило. Но потом неожиданно стала узнавать о муже по радио и из газет.

Ее словно током ударило, когда услышала в сводке Совинформбюро фамилию: «Ольшанский». Сначала мелькнула мысль: о нем ли это? В сводке говорилось:

> «Десантная группа моряков под командованием лейтенанта Ольшанского ночью высадилась на берегу Азовского моря и оседлала дорогу, по которой отступали немецкие войска. Наши бойцы внезапно напали на колонну противника и истребили до 600 вражеских солдат и офицеров».

А потом и газеты стали сообщать об Ольшанском и о его десантниках. В письмах он не писал, что награжден, а из газет ной заметки стало известно, что у него уже ордена Красной Звезды и Александра Невского. Из писем она знала только, что побывал в боях, а военные корреспонденты сообщили, что десантники Ольшанского совершают дерзкие рейды по вражеским тылам.

Как-то вечером, прочитав очередную заметку, вдруг подумала с тревогой: а не зазнается ли он? Вспомнила, как, прощаясь, он сказал: «Скоро обо мне услышишь…» К ее Косте пришла слава. А не придет ли вместе с ней и тщеславие? Не выдержала и написала запальчивое письмо.

«Откуда ты взяла, что я тщеславный и люблю, если меня хвалят? Мне просто странно. Я даже орденов не ношу, хочу их надеть только перед тобой. Наоборот, стал скромным. Ни единой статьи не прочтешь теперь обо мне.

Особого я ничего не сделал. Делали это «мужики», которые меня почему-то любят…

3 января 1944 г.».

Вот и опять: все это его бойцы, а не он сам. А о том, какие у него бойцы, в газетах не раз писали.

Было такое: заградительный огонь не позволил катерам подойти к берегу. И тогда бойцы бросились в воду, добрались до берега и неудержимо ворвались в траншеи врага.

В другой раз подстерегли в засаде кавалерийский эскадрон, встретили его пулеметным огнем и почти полностью уничтожили.

Как-то у села их остановили вражеские подразделения, навалились с трех сторон. Они вели в обороне бой до темноты, а ночью взяли штурмом господствующую высоту, захватили минометы, пушку и несколько пулеметов.

В ходе очередного броска в тыл врага встретили нашу рейдирующую казачью часть, соединились с ней и внезапным ударом освободили крупный населенный пункт.

Таковы были эти люди, которых Ольшанский с грубоватой лаской называл «мужиками», хотя у многих на подбородках был еще юношеский пушок. Он знал их, верил им и не страшился с ними никаких заданий.

Первым из ольшанцев стал Героем Советского Союза молодой матрос Андрей Стрюков. Поначалу парень вроде бы ничем не выделялся среди других. На отдыхе был неприметен, в боях тоже был как все. Но в жесточайшей схватке у Лупаревского маяка близ Херсона, когда пуля сразила командира взвода Николая Починина, именно Стрюков взял командование на себя, увлек товарищей в атаку, и они прорвали оборону врага.

А как открыто и бескорыстно любили бойцы своего командира! Любили за то, что он всегда с ними — и в самом пекле боя, и во время передышки, любили за редкую способность найти теплое слово для каждого, поддержать и утешить в горе, разделить по-братски радость, быть строгим командиром и вместе с тем близким человеком. Настоящим офицером-коммунистом.

И еще жила в них непоколебимая вера, что с их командиром никогда не пропадешь. Ведь в каких переделках они ни побывали,

а всегда выходили с честью и при этом (что казалось удивительным) всегда с минимальными потерями.

Ольшанский умел воевать. И именно в этом была главная причина успехов его отряда.

Но откуда взялось это умение у вчерашнего рабочего парня, ставшего офицером в силу военной необходимости?

«Я помню Махарадзе, да, я писал докладные, я душой хотел на фронт… Это желание не давало мне покоя. Я доходил до одурения, занимаясь по вечерам вопросами тактики, я развивал такую фантазию в решении тактических задач, что доходило до того, что, забывшись, начинал даже командовать.

3 января 1944 г.».

Да, он с невероятным упорством готовил себя к фронту, постигал заранее кровавый и горький опыт войны. Наряду с тактикой нашей армии он знал тактику врага, его приемы и методы, его психологию и привычки. Прекрасно владея советским стрелковым оружием, он так же глубоко изучил трофейные образцы и научил бойцов владеть ими.

К каждому бою Ольшанский готовился детально, пытливо изучал карту местности, где предстояло действовать его отряду, сверяя ее обозначения со сведениями, полученными от местных жителей. Он стремился быстро разобраться в обстановке, точно оценить возможности и намерения врага, принять оптимальное решение и твердо осуществить его.

Так что вера десантников в своего командира зиждилась на крепкой основе. Они шли за ним в огонь и в воду. И берегли его как зеницу ока.

…В трудном бою у Широкой Балки ударил в упор по десантникам притаившийся пулемет. А потом круто отклонилась трасса пулеметных пуль в сторону командира. И тогда отчаянно метнулась вперед чья-то фигура, закрыла Ольшанского собой.

Восемь пуль прошили грудь сержанта Буторина, и, падая на руки спасенного им командира, может быть, он еще успел увидеть, как взметнулся над пулеметным гнездом разрыв матросской гранаты.

«…Времени почти нет. Работаю со своими мужиками, «аж перья летят». Впечатлений и переживаний — масса. Интересно, весело, но напряженно. Катусь, пиши, что слышно о Валерике.

10 января 1944 г.».

Ольшанский все время был в боях. Но и в самое труднее время не оставляют его тревожные мысли о сыне.

А с Валериком было плохо, совсем плохо было с ним.

Жарким летним днем, насмерть перепуганный близкими взрывами, хрипом коней и стонами людей, крепко стиснутый оцепеневшими бабушкиными руками, увидел несмышленыш: из глубины неба несется прямо на него с визгом и воем черная птица, а у крыльев ее посверкивают страшные огоньки…

Обстоятельства трагедии, случившейся на дороге близ Россоши, стали известны много позднее по рассказам очевидцев. Весною сорок второго года старший брат Екатерины Ольшанской — Дмитрий после тяжелого ранения попал в прифронтовой госпиталь поблизости от родных мест. Прикованный к госпитальной койке, офицер стал искать с помощью почты родственников. Из Курска отозвалась сестра Антонина, потом и мать с внуком. А когда все они приехали к Дмитрию, госпиталь решили эвакуировать. Вот так и вышло, что на подводе, под бомбежкой «юнкерсов» оказались рядом с Дмитрием его мать, сестра и племянник.

В сумерки вдоль дороги проходила группа военных. Молодой офицер услышал детское всхлипывание, подошел поближе и обнаружил придавленного телом мертвой женщины раненого мальчишку. Офицер хотел было передать его санитарам, но неподалеку начали рваться снаряды — это завязывался бой с прорвавшейся мотоколонной врага. Офицер отдал мальчика колхознику и побежал к своим рассыпавшимся цепью солдатам. Россошь вскоре занял враг.

Ольшанские ничего не знали о судьбе сына с лета сорок первого года до весны сорок третьего. Первым, еще в Махарадзе, получил тревожную весть о сыне Константин. Пришла она к нему по служебному адресу.

Именно в тот день Ольшанский так напугал жену своим видом, исступленными словами о том, что готов зубами рвать вражьи глотки. Но Кате о письме не проговорился — то ли сам до конца не поверил в случившееся, то ли боялся убить ее страшной вестью. Известно только: и с фронта продолжал рассылать запросы по многим адресам.

Екатерина и сама вела поиски, узнала горестную правду о гибели матери, брата и сестры. Она давала объявления по радио и в газетах, вслед за отрывочными сведениями ездила искать Валерика в Россошь, Саратов, Вольск, Хвалынск, в Старом Осколе обошла подряд все дома города, но след мальчика окончательно затерялся.

Из всех близких остался у нее только Константин.

«Теперь готовимся к новым боям. Поручили тут мне подобрать ребят для одной операции. Ну, это не так уж трудно. Они у нас — все орлы. Пропитаны дымком, обожжены огоньком. Это настоящие герои, чудо богатыри. Счастлив, что живу и воюю с теми, кто, не считаясь ни с чем, кровью отстаивает родное дело. Многие из них погибли смертью храбрых. Но их подвиги заставляют нас драться еще ожесточеннее.

Верю в скорую нашу победу.

23 марта 1944 г.».

В середине марта сорок четвертого батальон морской пехоты под командованием майора Ф. Котанова громил врага в составе войск левого крыла 3-го Украинского фронта. Вскоре наши части вышли на ближайшие подступы к Николаеву. Но, наткнувшись в условиях невиданной распутицы на плотную, глубоко эшелонированную оборону, остановились.

Новое наступление было назначено на 26 марта.

Город прикрыт с трех сторон водными рубежами, и наступать предстояло «в лоб» по трехкилометровому перешейку. Становились неизбежными большие потери. Работая над вариантами наступления, командующий 28-й армией генерал-лейтенант А. Гречкин вызвал в штаб майора Ф. Котанова.

У командующего был план: высадить со стороны реки в тыл противника десант моряков. Цель: вызвать растерянность у врага, заставить его поверить в то, что возникшая для него угроза серьезна, и он решится снять с линии обороны часть войск.

Возглавить десант доверили старшему лейтенанту Константину Ольшанскому. В состав отряда было отобрано 55 моряков и 12 пехотинцев Пошел с десантниками и доброволец-проводник Андрей Андреев.

…Пятнадцать километров, отделявших их от цели, они проплыли в кромешной темени на рыбацких лодках навстречу течению и сильному ветру, незамеченными достигли порта, бесшумно высадились, сняли часового. В предрассветном белесом свете десантники отыскали пригодные для обороны строения, заложили кирпичом, камнями, ящиками с песком окна и двери, установили в бойницах пулеметы. Сгибаясь под тяжестью груза, перетащили из лодок мешки с автоматными дисками, коробки с пулеметными лентами, ящики гранат. Никогда прежде они не брали с собой столько боеприпасов. И оборону Ольшанский строил так, чтобы можно было вести бой в полном окружении.

Первую часть задачи отряд выполнил безукоризненно — во

время высадки и оборудования позиций десант остался незамеченным. Зато вторая ее часть требовала, чтобы не без шума заявить врагу о своем присутствии.

Повод не заставил себя ждать. Ранним утром на дороге появилась подвода с фашистскими солдатами, и десантники, раскрывая себя, обстреляли ее из автоматов. Уцелевший гитлеровец, бешено настегивая лошадей, умчался за поворот. А спустя полчаса к порту подошла пехотная рота. Противник еще не понял, что имеет дело с десантом, и, посчитав обстрел обоза за действия местной подпольной группы, решил «прочесать» местность. Рота шла не таясь.

Внезапный шквал огня с близкого расстояния в считанные мгновения смел солдат и офицеров. Лишь несколько человек, вжимаясь в землю, сумели удрать. Теперь десантники были уверены в том, что враг всполошится всерьез.

Так и было. Фашистское командование бросило против отряда десантников два батальона пехоты, пушки и шестиствольные минометы.

От сплошных взрывов дрожала земля, дымом и гарью затянуло все кругом, пламя лизало постройки.

Под прикрытием плотного огня вражеская пехота замкнула кольцо окружения и, как только замолкли пушки и минометы, начала атаку со всех сторон. Но из полуразрушенных зданий вновь ударили разящие очереди.

Так проходил час за часом. Фашистское командование приказало подтянуть к порту танки и огнеметные установки. Головной танк был подорван. Тогда по зданиям полоснула струя огнеметного пламени.

Фашистские солдаты, подождав, когда окончательно догорели крыши и из окон перестал бить огонь, уже не таясь, двинулись вперед. Но из подвальных окон ударили по ним в упор автоматные очереди, из проломов посыпались гранаты. И — в который раз! — враг опять откатился.

Фашисты понимали, что те, кто остался внутри, не сдадутся, будут биться до конца. Но сколько их там еще? Как долго они могут держаться?

Позднее удалось установить, что в это время десантники приняли клятву, которая была передана по рации в штаб. Вот ее текст:

> «Мы, бойцы, старшины, офицеры, моряки отряда Ольшанского, клянемся Родине, что задачу, стоящую перед нами, будем выполнять до последней капли крови».

А потом в штабе приняли еще одну, на этот раз последнюю радиограмму: «Быстрее дайте огонь по квадрату…». Больше сообщений от ольшанцев не поступало.

Но они держались! Они держались до 28 марта, когда наши подразделения прорвались, наконец, в город и порт.

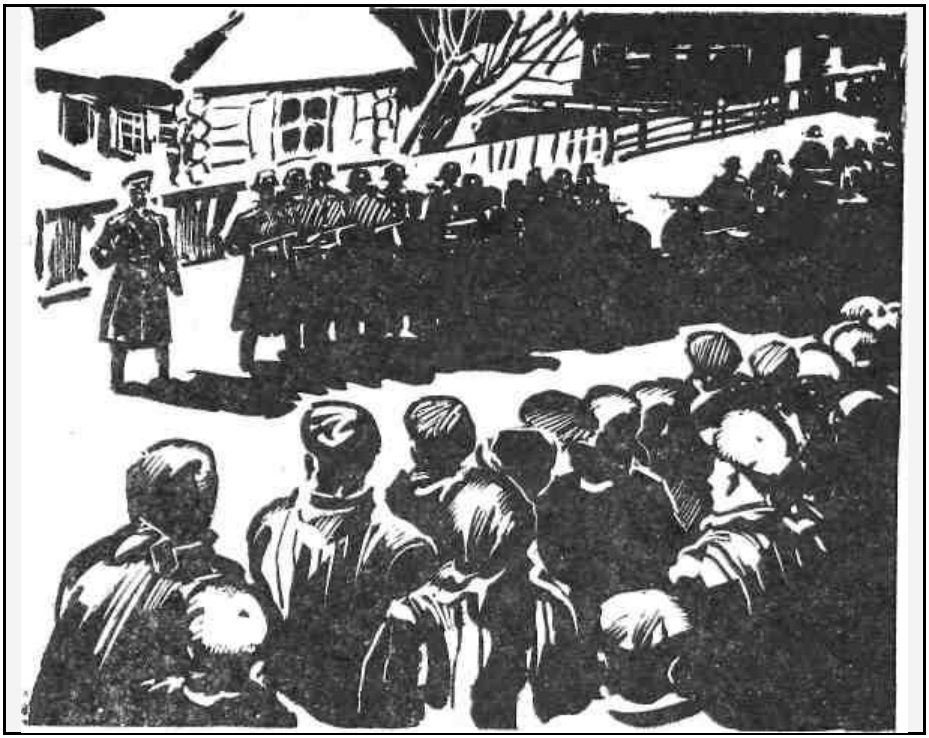
Чудом остались в живых Николай Медведев, Юрий Лисицын, Ефим Павлов. Из развалин вышли Кирилл Бочкович, Иван Дементьев, Никита Гребенюк, Михаил Хакимов. Неподалеку в дверях показался Николай Щербаков. Трое его тяжелораненых товарищей — Кузьма Шпак, Иван Удод и Михаил Коновалов — оставались внутри. Все трое вскоре умерли от ран…

Враг дорого заплатил за жизни десантников. Более семисот трупов гитлеровцев осталось на территории порта. Если учесть и большое количество раненых, то можно сказать, что отряд Ольшанского «выбил» из состава гитлеровской армии больше двух батальонов пехоты.

Беспримерный коллективный подвиг был по достоинству оценен Родиной. Все морские пехотинцы — участники десанта удостоились звания Героя Советского Союза.

…Когда моряки приносят Екатерине Никифоровне Ольшанской цветы, она ставит их возле портрета Кости. На фотографии он навсегда молодой — ему так и осталось двадцать восемь в тот мартовский день сорок четвертого. А если остался в живых их сын Валерий (в это она, несмотря ни на что, верит), то ему сейчас уже тридцать восемь.

К. Кащеев, полковник
НАВСЕГДА В МОЕМ СЕРДЦЕ



«У советских собственная гордость», — сказал поэт.

Да, у нас есть право на собственную гордость. Мы гордимся величайшими успехами нашей Родины, нашедшими свое отражение в новой Конституции СССР. Мы гордимся тем, что живем в стране Великого Октября, что воспитала нас Коммунистическая партия, вырастила нас верными сынами своего народа.

Мне хочется рассказать о немногих из тех, кто своим примером навсегда вошли в мою жизнь, помогли выбрать верную дорогу.

Вспоминается детство. Росли мы, как все сельские ребята. Любили играть в войну, жгли в ночном костры, ходили в ссадинах и царапинах. И, конечно, с увлечением учились в школе. Жадно ловили каждое слово одного из своих первых учителей — Ивана

Афанасьевича Зубова, человека, влюбленного в наш брянский край. Он умел так вдохновенно, страстно рассказывать о лесах, о шумливой нашей речке Ревне, что природа, казалось, оживала на глазах. А главное — он учил нас любить свою Родину и ненавидеть ее врагов.

А потом грянул сорок первый. Осенью наш край оккупировали фашисты. Однажды гитлеровцы согнали на площадь всех жителей села. День стоял хмурый, слякотный.

Гитлеровский офицер через переводчика начал объяснять, что такое «новый порядок». Люди молчали, потупив глаза. И тогда из толпы раздался громкий голос Зубова: «Товарищи, не слушайте этих негодяев. Помните, мы оккупированы временно. Мы еще будем праздновать победу!»

Эти слова всколыхнули площадь. Все разом заговорили. У людей расправлялись плечи, сжимались кулаки, гневом ненависти к оккупантам загорались глаза. Вражеские солдаты бросились усмирять толпу. В начавшейся суматохе Зубову удалось скрыться.

Смелый, полный презрения к врагу поступок моего первого учителя, его гневные слова на всю жизнь запали в сердце. В трудные дни войны, в минуты горечи я повторял, как клятву: «Мы еще будем праздновать победу!»

Иван Афанасьевич погиб осенью сорок второго в одном из боев брянских партизан с карательным отрядом. К этому времени под ногами фашистов на захваченных ими территориях горела земля. Все от мала до велика считали своим долгом взяться за оружие, помочь Красной Армии приблизить долгожданный день победы. Как-то отец мой, Петр Иванович, принес из леса в вязке хвороста неисправную винтовку. Несколько дней возился с ней, приводя в порядок. Потом развернул дома целую мастерскую по ремонту оружия. Я и брат Володя ему помогали. Изготовляли ложи для винтовок, на примитивном станке вытачивали детали.

Вскоре в наших, краях сформировался партизанский отряд имени А. Жданова. Его командиром стал П. Р. Дикий — человек большого мужества, отваги. Мы, подростки, вошли в группы обеспечения. Несли караульную службу, были связными, обрабатывали партизанские поля, убирали хлеб, заготавливали сено.

Помнятся тяжелые бои осенью сорок второго года. На брянский, партизанский край фашисты бросили крупные силы карателей. Были сожжены многие населенные пункты. После одного из боев я с группой стариков крестьян попал в плен. Мне удалось бежать. Но при попытке пересечь железную дорогу неожиданно нарвался на патруль. И снова — допросы; побои: На

одном из допросов меня узнал полицай, зло процедил: «Ах ты, большевистский выкормыш, снова попался. Теперь уж от виселицы не уйдешь!» Но и на сей раз мне удалось убежать и снова добраться до партизан.

Среди моих наград есть медаль «За отвагу». Я получил ее за боевые дела в мальчишеские годы и до сих пор горжусь этим.

Весной 1943 года меня вывезли из партизанского края на Большую землю, в Орловскую область. Здесь я пошел в седьмой класс. В школе нас было всего шестнадцать мальчишек и девчонок. Все — переростки, не по годам серьезные.

Мы росли, мужали, набирались сил вместе со всей страной. На наших глазах она залечивала страшные раны войны. И трогательно заботилась о нас, детях, подростках. Все мои одноклассники окончили институты, а я — высшее военно-морское училище.

Моя офицерская служба… Сколько в ней романтики! И сколько уже путей-дорог позади! Балтийский, Черноморский и Северный флоты, а потом — части Войск ПВО страны. И везде — встречи, знакомства, дружба с замечательными людьми.

Мне вспоминается один из моих давнишних командиров — Александр Андреевич Заблоцкий. Он научил меня доверять подчиненным и учиться у них, не бояться принимать самостоятельно ответственные решения.

Как-то командир прибыл на нашу артиллерийскую установку. Расспросил, как идет освоение техники. Я признался, что слабо знаю схему электропривода.

— А к подчиненным обращались за помощью? — спросил Заблоцкий.

Я удивленно посмотрел на командира.

— Не обращались, значит. А зря. Ваши младшие командиры Бондарюк и Губин — настоящие профессора в технике. Советуйтесь с ними почаще.

Затем командир сообщил, что через несколько дней предстоит боевая стрельба.

— Сумеете хорошо подготовиться?

— Сумею, — заверил я.

Когда Заблоцкий уехал, я собрал младших командиров на совещание. Они высказали очень много дельных предложений.

Все горячо взялись за дело и трудились с таким энтузиазмом, что я понял: с такими людьми любая задача по плечу.

А разве забыть капитана 1 ранга Сергея Николаевича Карасикова, под руководством которого в течение двух лет мне

довелось плавать на кораблях в Баренцевом море? Он прошел всю войну. Во время битвы за Сталинград командовал канонерской лодкой «Железняков», затем другими кораблями на речных флотилиях. Победу встретил на Шпрее.

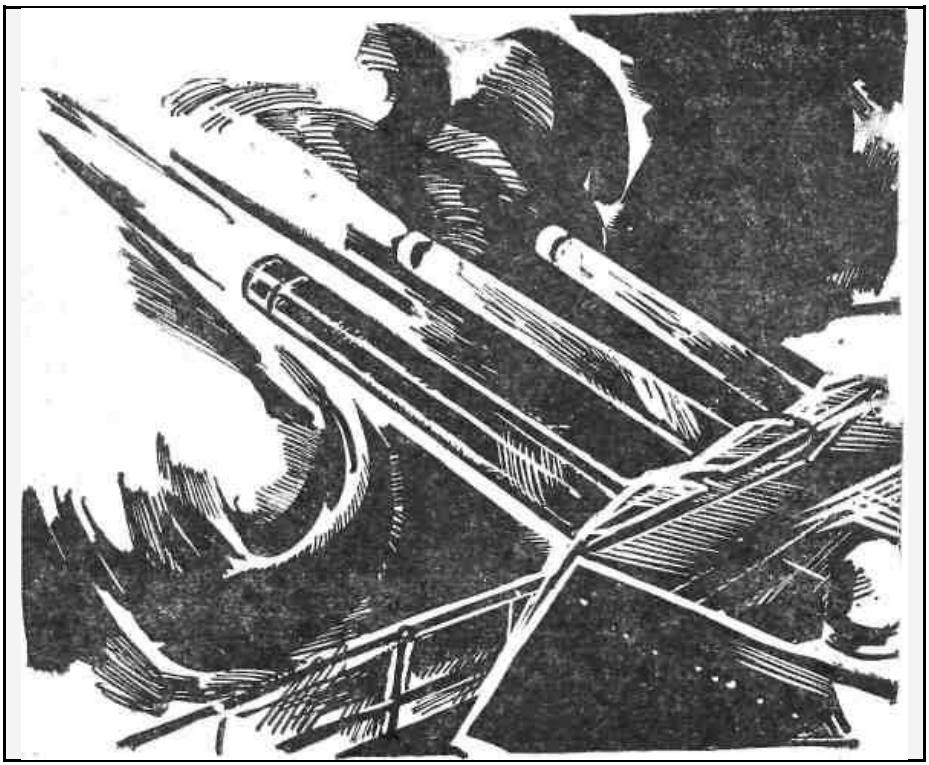
Капитан 1 ранга Карасиков был внешне очень суров. Смотрел из-под густых черных бровей придирчиво и, казалось, с недоверием, словно спрашивал: а на что ты способен, капитан-лейтенант? Но за внешней суровостью скрывалась добрая, отзывчивая душа. Карасиков заражал нас своим энтузиазмом, трудолюбием и оптимизмом.

Однажды пурга задержала разгрузку двух барж. А надо было торопиться, заканчивалась навигация. Неистовый ветер каждую секунду норовил сорвать баржи и унести в открытое море. Удерживали баржи с помощью бревен, вбитых в галечный грунт. Командир все время был рядом с нами. Когда бревна ломались, как спички, а работающие на полных оборотах тракторы медленно ползли к урезу воды, Сергей Николаевич оставался хладнокровным, находил наиболее верные решения. Люди понимали его с полуслова и готовы были за ним идти в огонь и воду. Ценный груз и баржи удалось спасти.

Многому я научился впоследствии у полковника Петра Ивановича Кобы. Это — образец штабного офицера. Всем своим поведением, обращением с людьми, партийным отношением к делу он показывал нам пример. Самые сложные вопросы решал быстро, четко и толково, умело прививал нам штабную культуру.

В эти дни я еще раз мысленно обозреваю пройденный путь, вспоминаю все пережитое. И если мне удалось достичь каких-то целей, принести пользу нашему общему делу, то это потому, что рядом со мной всегда, на всех этапах жизненного пути находились замечательные люди, достойные самого высокого уважения. Все они были членами ленинской партии коммунистов, которая уверенно ведет нашу Родину по пути Октября.

Николай Михайловский
ЗАЛПЫ ЛИНКОРА



В довоенные годы линкор «Марат» пользовался большим вниманием прессы. Мы, журналисты, частенько о нем писали. И не только потому, что он был флагманом Балтийского флота. В 1938 году «Марат» занял первое место по боевой подготовке среди кораблей Военно-Морского Флота. По этому случаю он носил на трубе алую звезду. За этим успехом стояло непрерывное творчество, которым отличались линкоровцы, особенно артиллеристы под командованием капитана 3 ранга Константина Лебедева. Это он создал на корабле своеобразный миниатюр-полигон со множеством приборов, придуманных и сооруженных самими моряками. На этом миниатюр-полигоне почти ежедневно разыгрывались учебные бои. Напряженные тренировки шли в башнях и на батареях. И когда «Марат» выходил в море, то стрелял днем и ночью, на волне и в тумане, по невидимым целям и неизменно получал отличные оценки. Мне не раз довелось быть очевидцем успешных стрельб.

Это предвоенное время навсегда запечатлелось в сознании и со всеми подробностями всплыло в памяти в тот день, когда большая группа ветеранов флота вместе со своим бывшим командующим адмиралом в отставке В. Трибуцем шагала по хорошо известной балтийцам причальной линии в Кронштадте, где в сентябре 1941 года все гремело, гудело, земля дыбилась от взрывов бомб.

Армады фашистских самолетов в те грозовые дни устремлялись к Кронштадту с единственной целью — уничтожить боевое ядро флота, прежде всего крепко досаждавшие им мощным огнем двенадцатидюймовых орудий линкоры «Марат» и «Октябрьская революция». Врагу не удалось реализовать свой замысел, хотя потери у нас были весьма ощутимые.

Владимир Филиппович Трибуц повел нас в конец «Рогатки», к самому срезу, и там остановился:

— Вот здесь стоял «Марат» в тот сентябрьский день.

У многих из нас навсегда осталась в памяти картина, когда в результате прямого попадания бомб крупного калибра огромный взрыв потряс линкор и его носовая часть вместе с первой башней ушла под воду.

Помнится, прибежали мы на «Рогатку» (так называется причальная линия) и обмерли при виде обрушившихся мачт, скрюченного металла и палубы у самой воды. Сердце холодело от одной мысли, что там, где оборвалась палуба, на глубине лежит боевая рубка, в которой смерть настигла отменных моряков: командира корабля Павла Иванова, артиллеристов Константина Лебедева, Леонида Новицкого, комиссара корабля Семена Чернышенко.

На смену павшим пришло пополнение. Среди «новичков» оказался совершавший не первый круг службы на «Марате» старый моряк Владимир Васильев, назначенный командиром корабля, — смелый, решительный, сразу завоевавший симпатии экипажа, а также комиссар Сергей Барабанов, после гибели Чернышенко словно самой судьбой посланный ему на смену и даже во многом похожий на него.

На «Марате» Барабанов впервые начинал службу еще в феврале 1922 года в числе первых комсомольцев-добровольцев, много позже был на линкоре пропагандистом. И вот снова на родном корабле…

Как и многое на войне — это случилось неожиданно. Он, лектор главного политуправления ВМФ, частенько приезжал из Москвы на Балтику для выступлений на кораблях и в частях. Это было не только его профессией, но истинным призванием.

Барабанов говорил просто и ярко, сам увлекался и увлекал своих слушателей. О чем бы ни шла речь, это был неизменно живой, доверительный разговор, который всегда так ценят люди…

Словом, он был талантливым пропагандистом, но вот опыта организационной работы почти не имел. Пожалуй, вряд ли ему могло прийти в голову, что в самые страдные дни войны он окажется в должности комиссара линкора. Но, как показала жизнь, это было мудрое решение: на израненном корабле больше всего требовался человек, способный быстро найти ключ к сердцам людей, поднять их моральный дух, вселить веру в свои силы.

Фашисты считали, что «Марат» больше не существует. А в это самое время новый командир корабля Васильев и комиссар Барабанов подняли моряков на то, чтобы в самый короткий срок ввести в действие дальнобойные орудия линкора и превратить его в маленький форт, еще один бастион на острове Котлин.

Восстанавливая артиллерию, неустанно думали и о другом — защитных средствах, поскольку линкор оставался неподвижным, «прирос» к причалу, превратился в мишень для вражеских батарей, находившихся на южном берегу Финского залива. Фашисты могли в бинокль видеть корабль и бить по нему прямой наводкой. Тут-то и родилась мысль о второй броне. Но где достать броневые плиты? Кто-то предложил пустить в дело гранитные плиты, два века служившие покрытием мостовой. И закипел аврал. Матросы поднимали плиту, на тележке подкатывали к кораблю, а там ее укладывали, защищая уязвимые места, чтобы вражеские снаряды не причинили вреда ни снарядным погребам, ни орудиям, ни команде…

И вскоре снова далеко окрест стали слышны басовые голоса «Марата». В самые критические дни вражеского наступления на Ленинград он вел ураганный огонь по фашистским войскам, пытавшимся по южному берегу залива прорваться к городу.

Надвигалась блокада. Топлива на корабле — в обрез. А в порту говорят: «Нефть нужна для плавающих кораблей».

Что делать? Без горючего — нет энергии, без энергии — башни мертвы. Стали думать, советоваться. И тут комиссару пришла мысль — обойти все баржи, ставшие на прикол корабли и собрать там остатки топлива. Собрали — нефть, естественно, оказалась не чистой, с водой. Тут опять же сметку проявил Барабанов: он вспомнил Баку в годы разрухи, применяемые там простые методы очистки нефти. Дело пошло на лад.

Случился курьез: прокурор заинтересовался, откуда на «Марате» неоприходованная нефть, не есть ли то утайка запасов в условиях блокады. И как раз в это время приезжает в Кронштадт

заместитель Наркома ВМФ адмирал Л. Галлер. Пришел на «Марат», увидел, как трудами экипажа израненный корабль превратился в неприступную крепость, похвалил моряков. А узнав о тревоге командира и комиссара по поводу «прокурорского интереса», рассмеялся: с юристами, мол, сам поговорю.

Все долгие недели и месяцы блокады орудия линкора наносили по врагу мощные удары. Фашисты несли немалый урон и всеми силами пытались подавить огонь неподвижного корабля.

Однажды Барабанов показал мне кальку, испещренную черными точками, — их были сотни, даже тысячи вражеских снарядов, взрывавшихся вокруг корабля. И все же защищенный стальной и гранитной броней, линкор не замолкал, продолжал бить по врагу. На корабле в эти годы было совсем мало людей — столько, сколько нужно было для ведения огня. Остальные моряки ушли сражаться с фашистами в ряды морской пехоты, на другие корабли.

Прошли десятилетия. Старого линкора давно нет в строю. Люди, воевавшие на нем, разъехались по всей стране: кого уж нет, кто на покое. И вот незадолго до поездки ветеранов флота в Кронштадт у меня в квартире раздался телефонный звонок. Слышу:

— Я с «Марата», Барабанов. Едешь ли на флот?

На следующий день мы встретились. Вспомнили войну, блокаду, драму и славу «Марата». Вспомнили, что наши линкоры в годы войны были уже старыми кораблями. Ведь «Севастополь» («Парижская Коммуна»), «Гангут», («Октябрьская революция»), «Петропавловск» («Марат») построены еще до первой мировой войны.

— Старые были корабли, а хорошо послужили стране под советским флагом. Сталь доброй закалки…

— Хорошо послужили именно потому, что на них сражались с врагом люди советской закалки, — заметил бывший комиссар.

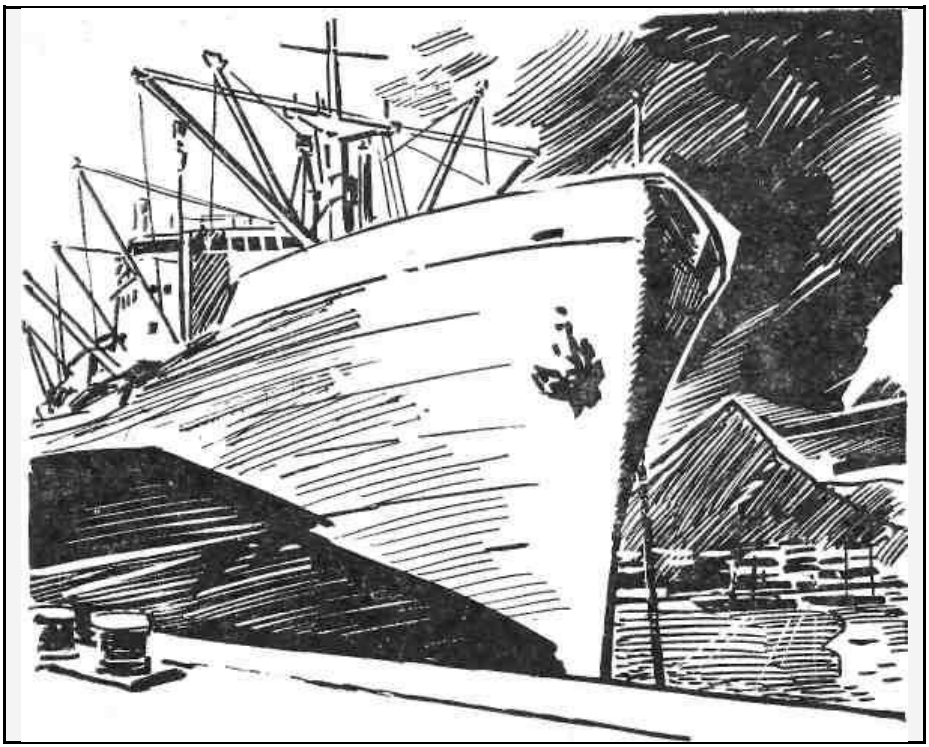
Еще много лет после Победы капитан 1 ранга С. Барабанов состоял на военной службе. Он преподавал в Военно-политической академии имени В. И. Ленина, стал кандидатом исторических наук. Темой его диссертации было родное дело: партийно-политическая работа на кораблях Балтики в годы Великой Отечественной войны. Позже Барабанов прислал мне свою диссертацию, и я с интересом прочитал страницы объемного тома, встретил много знакомых имен и эпизодов той памятной поры. Автор своеобразно осмыслил фронтовой опыт, суровое и славное время, в которое все испытания выдержал советский характер, рожденный Великим Октябрем.

На мой вопрос, как он живет сейчас, чем занимается, Барабанов ответил:

— Ты же знаешь, я в партию вступил в двадцать втором, еще при жизни Ленина. Молодежь проявляет большой интерес к судьбе и делам нашего поколения, хочет все знать из первых уст. А я ведь по профессии — лектор…

…Вот какие всплыли воспоминания, когда стоял я вместе с ветеранами флота у «Рогатки» и смотрел на балтийскую воду, бившуюся о гранит.

Владимир Варно
ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ



У подножия Никольской сопки (сопкой Любви еще называют ее жители Петропавловска-Камчатского) плещется и рокочет одна из самых просторных и живописных бухт на планете. Рыбацкие суда, дрожа от нетерпения, торопятся от мест стоянки к воротам Авачинской губы и, минуя их незримый порог, выходят в Великий, или Тихий океан…

Сейчас дела цепко держат меня на суше, но все же, когда выпадает свободный часок, я подымаюсь на вершину Никольской — отсюда видать далеко окрест… Здесь неизменно приходит ко мне то чувство, которое принято называть вдохновением. Здесь хорошо дышится, хорошо думается.

Над Никольской сопкой, почти вровень с вулканами, вознесена телевизионная вышка. До студии несколько шагов, и не исключена возможность, что, придя туда, я увижу на экране телевизора мой родной Минск или рыбацкую Клайпеду. А, может быть, сейчас показывают, как строится Байкало-Амурская

магистраль. Или как стоят в неусыпном дозоре молодые солдаты с автоматами в руках. Стоят на страже любимого Отечества…

Страна незакатного солнца, великое мое государство! Счастлив и горд, что я являюсь сыном твоим, твоим гражданином. Помнится, как еще в ранней юности потрясли меня слова Достоевского, сравнивавшего свободу человека с воздухом, которым он дышит. Помню страстное его восклицание: «Всем человекам надобно воздуху, воздуху, воздуху-с прежде всего!» Да, человеку необходима свобода, без нее он задохнется, погаснет, как огонек свечи без кислорода.

В своем государстве я всегда чувствую себя свободным, ибо не только волен выбрать из множества возможностей именно ту, которая соответствует моей индивидуальности, моим наклонностям, вкусам, пристрастиям, но и сам выбор мой диктуется внутренней потребностью быть максимально полезным Родине, народу. Когда я сижу за пишущей машинкой, никто не стоит за моей спиной и не указывает, как мне писать и о чем. Я пишу, как велит мне долг Гражданина, как подсказывает мне собственное сердце. И если мои произведения способствуют хоть в самой малой степени укреплению моего государства, то я безмерно счастлив. Ведь я — личность в своем государстве, болею его болью, праздную его победы.

Еще в ту пору, когда я умел только брать, государство уже щедро давало мне все, что необходимо для всестороннего, гармоничного развития человеческой личности. Двери школ, библиотек, картинных галерей, музеев широко и гостеприимно распахивались передо мною. Государство построило для меня и моих сверстников-пионеров роскошный, словно из сказки, дворец. И мы нисколько этому не удивились, приняли как должное. Сопоставляя свою судьбу с судьбой моего деда Адама, который твердо знал, что дворцы строятся для царей и господ, я вновь и вновь испытываю чувство глубокой любви к родной стране, открывшей простому человеку, человеку труда, дорогу к счастью.

Сыновья старого Адама один за другим уходили в большой мир, мир, который уже был преображен Великой Октябрьской социалистической революцией. И вот один из сыновей — Александр приехал в отчий дом с дипломом врача. Павел защитил диссертацию, стал ученым. Подольше других оставался в семье Сергей: он работал молотобойцем в паровозном депо, потом слесарил.

Но вот, одолев науки в учебных заведениях с незнакомыми для нынешней молодежи названиями — рабфак, комвуз, Сергей стал руководить фабрикой, затем стал директором крупного завода. А потом Комаровку, где родились и выросли Адамовы

сыновья, облетела радостная весть: «А Сережа-то, сын Адама, в народные комиссары вышел, членом правительства стал!»

И это было в порядке вещей. В Советском государстве положение человека определяется его вкладом во всенародное дело строительства нового общества.

Государство не только наделило всех своих граждан необходимыми для нормальной жизни правами, но и материально обеспечило осуществление этих прав на деле, позаботилось о том, чтобы каждый гражданин мог пользоваться богатствами культуры, выработанными за многие века человечеством.

Бесчисленные и неоценимые сокровища были доступны мне, как цветы в поле: протянул руку и бери. И я брал, нередко, как теперь понимаю, не испытывая чувства благодарности. Оно, это чувство, пришло позднее.

Известно, что ко всему хорошему человек привыкает быстро.

Окруженные всевозможными благами, мы не замечаем их, как не замечаем воздуха, которым дышим.

Как-то довелось мне лететь в тихоходном самолете с поэтом Игорем Шкляревским, в ту пору студентом литинститута.

— С какой скоростью летим? — спросил Игорь у летчика.

— Триста пятьдесят километров в час.

— Только-то!

Восклицание вырвалось, как я понимаю, невольно: Игорь привык к реактивным скоростям. Свет, который он увидел при рождении, был электрическим. Музыка, которую он слушал, лилась из первоклассных приемников. А мое поколение научилось читать при свете керосиновой лампы. Детекторный приемник воспринимался мной как чудо. Мать возила меня по Минску на конке, которая была вечно перегружена и едва обгоняла пешеходов. Первый трамвай в городе был для нас выдающимся событием. А когда мы впервые увидели аэроплан в небе, то с каким непередаваемым восторгом следили за тем, как с непостижимой скоростью — до ста километров в час! — летело крылатое чудо.

…Мысли мои опять уходят в глубину предвоенных годов. Тогда я, журналист и начинающий поэт, много ездил по стране. Невозможно увидеть, как растет дерево, но я собственными глазами видел, как растет мое государство.

Мне ясно видятся донельзя переполненные вагоны. Мои попутчики, бесплацкартные пассажиры, обжигаясь станционным кипятком, пахнущим паровозным дымом и жестью погнутых чайников, с восторгом говорили о стройке, на которую

направлялись, дружно пели песню о том, как широка страна моя родная, о том, что человек проходит по ней как хозяин…

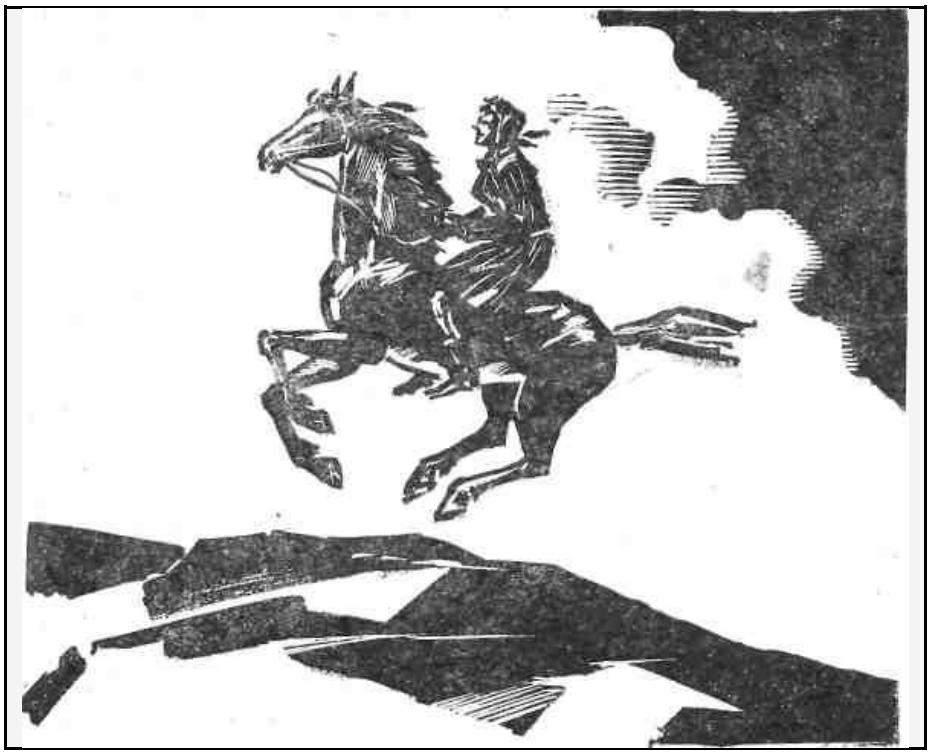
Да, мы были и есть хозяева своей страны. Своими руками творили и творим мы ее прекрасный облик, крепим ее мощь, умножаем славу. И вместе со страной росли и растем сами. Бывало трудно. Бывало голодно и холодно. Кирпичи носили на спинах или на носилках, землю возили в тачках, по образному определению Ярослава Смелякова, «так, как женщины возят детей». Огромные котлованы рыли лопатами, бетон замешивали тоже большей частью вручную.

Покоряясь энергии освобожденного труда, воле сплоченных общими интересами и идеалами людей, невозможное становилось возможным. Мечта — реальностью. Сказка — былью. Поднимались заводы. Росли города. День ото дня лучше и счастливей становилась наша жизнь.

Как быстро, как неостановимо бежит спрессованное в делах наших время! Давно уже башни подъемных кранов поднялись по всей стране — от Балтики до Камчатки. Бегут, мелькают, шелестят ленты транспортеров, тысячеголосо гудят машины самых разных марок и самого различного предназначения.

С гордостью воспринимая все это, я мысленно обращаюсь к моему молодому другу И. Шкляревскому: «Дорогой Игорь! Мне пришлось видеть мое государство в самом юном его возрасте. Ты родился, когда оно было уже богатым и могущественным. Тебя не удивляют наши атомные электростанции и ледоколы, космические корабли и кибернетические системы. И это естественно. Жизнь неудержимо идет вперед, а страна наша — на самых авангардных позициях мирового прогресса. Мы по праву гордимся этим. В то же время важно всегда помнить, какой ценой, каким трудом, каким подвигом завоеваны эти позиции. Без этой священной памяти счастье будет неполным».

Клара Агафонова
ФАМИЛЬНЫЕ ДРАГОЦЕННОСТИ



Иногда я подолгу смотрю на эту старую выцветшую фотографию, наклеенную на картон. Кажется, не будь спасительного картона, фотокарточка давно обветшала бы.

Со странным, труднообъяснимым чувством всматриваюсь в лицо девушки с коротко остриженными волосами. Она стояла перед фотографом напряженно. Прямой, суровый взгляд, плотно сжатые губы. Гимнастерка, перетянутая портупеей. Снимок комсомолки 20-х годов.

Это моя мать.

Чувства и мысли, которые рождала во мне фотография, давно искали выхода. Но почему-то казалось, что неудобно, нескромно говорить о самом близком тебе человеке.

А вот сейчас подумала: почему, собственно говоря, неудобно? Почему нескромно гордиться делами своих отцов и матерей? Разве не поем мы, что Родина для нас начинается «со старой отцовской буденовки»?

…Мама до сих пор вспоминает эту гимнастерку — единственный в то время ее наряд, и праздничный и будничный, наряд, который она очень любила и носила его с особым достоинством. А потом, уже в годы Великой Отечественной войны, однажды мама возвратилась с работы верхом на лошади. На ней были новенькая телогрейка и стеганые ватные брюки.

— Ну, теперь нам не страшен серый волк! — одергивая телогрейку, улыбнулась она. Наспех перекусив, мама сказала, что нужно срочно ехать в МТС, а потом в колхозы. Жили мы тогда в Башкирии.

В суровые уральские морозы, в метели этот костюм здорово выручал ее. Инструктор райкома партии, она много ездила по селам, по колхозам на черногривом скакуне. Все для фронта, все для победы — это было главной заботой тыла. Это было и ее главной заботой.

Не так давно, будучи в командировке в Ульяновске, я познакомилась с редактором многотиражки Ульяновского автомобильного завода Н. Колычевой. Мы разговорились о львовских ЛАЗах и Ульяновских УАЗах, о наших городах-побратимах, которые дружат и соревнуются.

— Знала я когда-то одну женщину из вашего Львова, — задумчиво сказала Колычева. — В годы войны мы вместе работали в Башкирии, в райкоме партии. Меня поражала ее энергия, неутомимость — минуты без дела не посидит. Боевая такая, верхом на лошади, в стеганых мужских брюках…

У меня перехватило дыхание:

— А как фамилия ее? Фамилию помните?

— Как же, помню. Маша Агафонова.

Вот какие встречи в жизни бывают! Я радовалась тогда и гордилась, что мама моя оставила не только в моем сердце память о себе.

В те суровые годы поистине безмерная тяжесть на женские плечи легла. Недавно мы смотрели по телевизору фильм. И был там такой эпизод. Сельские женщины собрались в избе. Кто-то получил похоронку, кто-то уже давно считал себя вдовой… И вдруг одна из них, выйдя на середину, с нарочитой лихостью запела частушку, которая кончалась словами:

«Я и баба, и мужик…»

Глаза мамы наполнились слезами.

— Про нас это, — почти шепотом сказала она.

Сейчас, осмысливая сохранившиеся в памяти события детства, я вспоминаю, как она, городская женщина, быстро

научилась колоть дрова, запрягать коней, чинить крышу. Это все — после работы. И на руках — двое детей и больная, беспомощная старушка — наша бабушка.

Безмерная тяжесть не спала с ее плеч и после войны. Как и у многих моих сверстников, отец с фронта не вернулся, и маме по-прежнему приходилось быть «и бабой, и мужиком».

В трудные годы люди старались держаться ближе друг к другу, чтобы легче было переносить горе и невзгоды. Они становились вроде бы как родными. Возможно, поэтому у наших родителей выработались такие замечательные черты, как участливость, отзывчивость, непринужденная общительность. Они легко заводят доверительные беседы с незнакомыми, охотно дают советы, предлагают свои услуги. Молодые порой иронизируют над такой общительностью, считая ее ненужной и навязчивой. Мы можем, например, несколько лет прожить в доме и не знать соседей по подъезду. Но вот приезжает к нам в гости мама или бабушка и сразу же устанавливает со всеми дружеские контакты. Она узнает, что в 30-й квартире воспаление легких у мальчонки, и несет туда баночку липового меда. А холостяк аспирант из 20-й, оказывается, всегда забывает купить хлеб, и она берет в булочной на его долю лишние полбуханки.

Помню, наш дом был всегда открыт для людей. А после войны он прямо походил на общежитие.

Разговорилась в автобусе мама с одной женщиной. Узнала что та вернулась из эвакуации, а дом разрушен. Муж погиб на фронте, она одна. И случайная попутчица поселилась у нас до тех пор, пока не устроилась на работу и не получила жилье. А однажды мама привела девочку. (После войны было немало беспризорных детей.) Долго мыла ее в ванной, чесала волосы густым гребешком и перешивала на нее мое платье. Потом она устроила девочку в ремесленное училище.

За добро люди платят добром, любовью.

Но есть у мамы и шрамы, оставленные жестокой рукой, — как знак жгучей ненависти. Мама в конце двадцатых годов была уполномоченной на посевной кампании в деревне. Обнаружила у кулака тонну сортовой пшеницы. И он набросился на нее с ножом.

Воспоминания матери, живые, непосредственные, всегда помогали мне еще лучше видеть и понять события прошлого, истоки подвижничества наших ветеранов.

Они и сейчас не мыслят себя без дела, эти неугомонные старики. Каждый вечер, когда мама ложится спать, она непременно подводит итог дня: «Сегодня проведала соседку в больнице. Закончила вязать свитер внуку… Нет, день не пропал

даром».

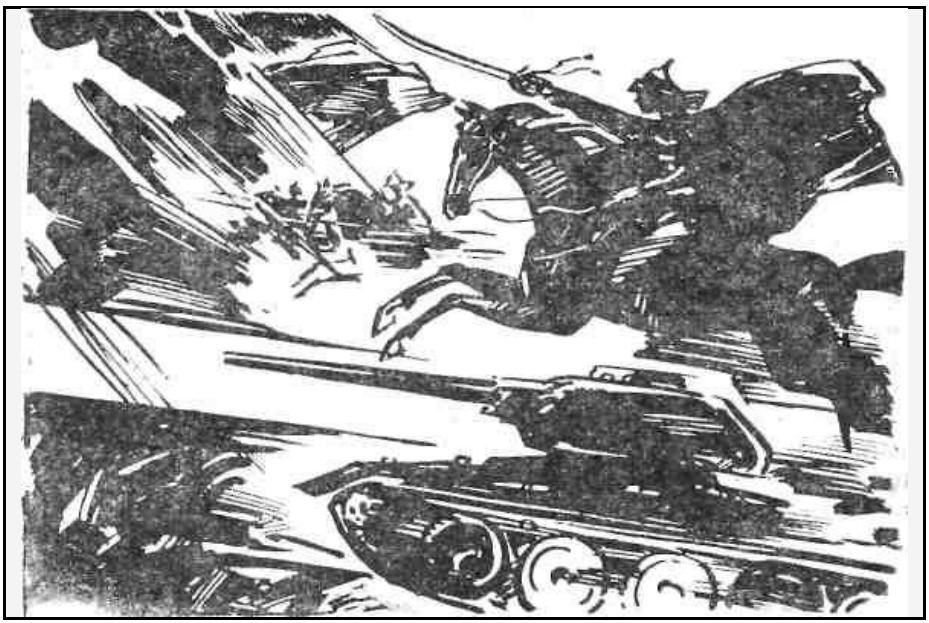
Мне приходилось много встречаться с людьми старшего поколения. Разные у них судьбы. Одни яркие, героические, другие — проще, обыкновеннее. Но много в этих судьбах общего. В них отражена история страны. Всей своей жизнью они завоевали и создавали наше настоящее. И сейчас, в юбилейный год 60-летия Октября, эта связь времен особенно остро ощущается.

Старая, пожелтевшая фотография. Почетные грамоты разных годов. Пожизненный пропуск на завод кинескопов, откуда маму, уже персональную пенсионеру товарищи проводили на заслуженный отдых. О многом говорят эти семейные реликвии — овеществленная память прошлого.

Наверное, в каждом доме в старых сумках, в шкатулках, запрятанных в шкафы и комоды, хранятся дорогие сердцу вещи: письма, документы, фотографии. Прикасаясь к ним, к семейным реликвиям, ты будто прикасаешься к истории, которая стала вдруг такой близкой, такой своей. Ты чувствуешь, что «этапы большого пути» — не просто хрестоматийные факты, привнесенные в наши умы учебниками, кинофильмами, а истины, прошедшие через нашу кровь и плоть.

Да, великое наследство оставили нам отцы и матери. И с каждым годом становятся все дороже, все ценнее наши фамильные драгоценности — боевой дух наших отцов и матерей, их светлые идеалы.

И. Лятецкий, генерал-майор танковых войск в отставке, член КПСС с 1917 года
РОДНАЯ АРМИЯ



Когда я размышляю о судьбах своей Родины, о ее орлином взлете от России лапотной до России электрической или, как часто говорят, от сохи до ракеты, я прежде всего думаю о своей собственной судьбе.

Она такая же, как у многих людей моего поколения, чье детство пришлось на бесправную пору царизма, чья юность мужала на баррикадах революции и в сабельных атаках гражданской войны, чья зрелость выпала на годы первых пятилеток и прошла испытание огнем на полях Великой Отечественной.

Это судьба всех тех, кто «вышел строить и месть», кто сеял хлеб в обновленную землю, кто поднимал социалистическую индустрию, кто с оружием в руках защищал страну от многочисленных ее врагов.

Читаю газеты, слушаю радио… Радуют вести мое сердце.

Введена в строй Усть-Илимская ГЭС, готовится к пуску первый агрегат Саяно-Шушенской, которой суждено в недалеком будущем стать самой мощной гидроэлектростанцией в мире. Продолжают вершить свой подвиг советские космонавты…

Самая мощная, впервые в мире… К этим словам мы уже привыкли. И не удивляемся им. Что ж, хорошая привычка. Она — от силы, от спокойной уверенности в том, что в стране свободного труда, в стране, где получила выход творческая инициатива миллионов, и не может быть иначе. Горжусь такой страной, горжусь нашим народом. Воспоминания, то горькие, то радостные, светом моей личной судьбы, судеб моих товарищей, знакомых, близких высвечивают то общее и великое, что произошло с моей Родиной за годы Советской власти.

Детство. Был я десятым ребенком в семье. Отец работал поденщиком у помещика. Братья гнули спину на местных богатеев. С восьми лет приставили к делу и меня. За мизерную плату пас я свиней у помещика.

Об учебе в ту пору и не мечтал. Но тут мне, прямо скажу, повезло. Определил отец в церковно-приходскую школу. Очень уж ему хотелось, чтобы хоть один сын его грамоте выучился.

А после снарядил меня в Санкт-Петербург на заработки. Напутствие дал:

— Ты, Иван, теперь грамотный. Надежда большая на твою помощь.

Достал из-за божницы пятиалтынный, с тем и отправил в дорогу.

Так и закончилось мое детство. Хотя долго еще потом буду я в мальчиках ходить. Мальчик — не возрастное понятие, а работа такая: мальчик на побегушках. Был я мальчиком в винном погребе, при буфете, в колбасной, в табачном магазине. То принеси, то подай, туда сбегай, с хозяйкой на базар сходи. А по воскресеньям — пол вымыть в хозяйском доме, восемь кастрюль медных почистить. Почему восемь? Потому что именно столько их было на кухне хозяина винного погреба. Запомнил на всю жизнь. И еще запомнил, за собачью эту работу хозяин ни гроша не заплатил, хотя по договоренности ранее он три рубля в месяц положил жалованье. Обманул.

Словом, бесправие полное. Об этом и у Чехова и у многих других русских и советских писателей хорошо написано.

Но вскоре уже другие ветры загудели над Россией. Началась революция. Февральская. В ту пору работал я уже токарем на Франко-Русском заводе. Том самом заводе, на котором стоял в ремонте легендарный ныне крейсер «Аврора».

Митинги… Рабочие собрания… Жаркие речи ораторов,

диспуты большевиков с меньшевиками. Лозунги: «Долой войну!», «Вся власть Советам!». Отряды Красной гвардии… Большевистская газета «Правда»… Беседы со старыми рабочими… Все это формировало мое сознание, воспринималось всем сердцем. Я твердо уяснил, что мне, сыну батрака, рабочему, надо быть только с большевиками.

Октябрь 17-го года я встретил уже в рядах ленинской партии. Участие мое в октябрьских событиях весьма скромное: охранял вместе с товарищами революционный порядок в столице, выполнял различные задания партийного комитета 1-го городского района. Все это, естественно, делалось без отрыва от производства.

На всю жизнь в памяти остался один из февральских дней 1918 года. Это был тревожный день. Нам уже было известно, что Брестский мир с кайзеровской Германией сорван. Что немцы ведут бои с отрядами Красной гвардии под Псковом и Нарвой. Создалась серьезная угроза вторжения в колыбель революции Петроград.

Был вечер. Светлый, тихий. И только по озабоченным лицам прохожих, по тревожным голосам людей можно было догадаться о нависшей над городом опасности.

В тот вечер я был свободен от работы. Уже готовился ко сну, как вдруг город вздрогнул от все нарастающего гула. Это были заводские гудки. Гудели заводы Выборгской стороны, Нарвской заставы, гудели на Неве пароходы, буксиры.

Это был сигнал общего сбора. Со всех концов города рабочие, красногвардейцы стягивались к своим заводам, спешили в штабы своих красногвардейских отрядов.

Когда я пришел в штаб отряда, разместившегося рядом с моим заводом в здании райкома партии, митинг уже был в разгаре.

Говорил секретарь райкома партии:

— Сегодня германские войска взяли Псков. Враг угрожает Петрограду. Социалистическое Отечество в опасности. Владимир Ильич Ленин, Центральный Комитет и Советское правительство призывают всех членов партии, всех рабочих и крестьян к защите республики Советов от нашествия германского империализма. Объявляется запись добровольцев в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию.

Записывались многие. Первыми — коммунисты.

Всю ночь шла запись. Добровольцев тут же экипировали, вручали им трехлинейные винтовки. А утром наш отряд пешим порядком выступил на Охту, навстречу интервентам.

Так я стал красноармейцем. И с тех пор, хотя я давно уже на

пенсии, считаю себя бойцом нашей славной армии. Армии, в которой я прошел путь от рядового до генерала.

Вехами на этом пути село Житкур, что под Царицыном, где я, боец 3-го Московского кавполка, пережил жестокие бои с белоказаками.

Учеба на 2-х Петроградских кавалерийских курсах, по окончании которых я командовал кавалерийским взводом, эскадроном, был военным комиссаром эскадрона.

Курсы усовершенствования красных командиров…

Академия имени М. В. Фрунзе… Да, для многих из нас, сыновей рабочих и крестьян, для которых считалось удачей окончание церковно-приходской школы, открылись двери высшего военного учебного заведения.

То были годы упорного труда. Счастливейшие годы. Исполненные великих надежд и мечтаний. Наш народ, руководимый партией, взял курс на индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства. Союз серпа и молота открывал новые технические возможности и перед Вооруженными Силами. Советская Армия перевооружалась. В академию я пришел кавалеристом, а, окончив ее, был назначен начальником штаба механизированного полка. Служил в Даурии. Полк только формировался. Формирование шло параллельно с боевой учебой. Нелегко, психологически нелегко было переходить на технику. Лихие рубаки гражданской, знавшие лишь шашку да карабин, заметно робели перед сложным танковым вооружением, материальной частью машин. Но жило в сердце каждого командира и бойца чувство ответственности за безопасность Родины, стремление в совершенстве овладеть оружием, которое выковала для своих защитников социалистическая Отчизна, еще не ахти какая богатая в то время, но отдававшая своей армии самое лучшее.

Занимались даже в лютые морозы. Выручали товарищество, боевая спайка, сознание важности дела. Шло соревнование между взводами и ротами, экипажами и воинами за лучшее освоение техники. Полк в кратчайшие сроки освоил новую технику, получил звание стахановского.

Стахановский — это, в преломлении к сегодняшнему дню, отличный. И я радуюсь, что, как и прежде, идет в нашей родной армии социалистическое соревнование за мастерское владение оружием и техникой. Радуюсь, что живет в нынешнем поколении воинов тот же боевой дух.

Великая Отечественная… Это был невиданный по масштабам поединок нашей Родины, Советской Армии с ударным отрядом империализма — германским фашизмом. Поединок экономики,

техники, оружия. Но прежде всего — поединок идей, духа, ума, воли. И советские люди, сыновья и дочери всех народов нашей страны, воспитанные партией, продемонстрировали в тылу и на фронте такую стойкость и мужество, каких еще не знала история.

Мне пришлось воевать на многих фронтах: освобождать родную Белоруссию, Польшу. Войну закончил начальником оперативного отдела 2-й танковой армии, которая действовала в составе 1-го Белорусского фронта.

Сейчас я в отставке. Возраст берет свое. Но не хочет и не может расстаться сердце с родной армией. Шестьдесят ее героических лет — это перекрестие судеб миллионов советских людей, поднятых к активной деятельности Великой революцией, озаренных негасимым светом Октября, несущих его победное знамя от победы к победе.

Я радуюсь, что был среди этих людей. Жил и живу их волнениями, высокой заботой о защите Родины.

Г. Рожнов, подполковник
ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА

Летом 1976 года, примечая «секретничавших» между собой детей, приехавших погостить в родительский дом, Наталья Ильинична догадалась: помнят дети, какое событие приближается у отца с матерью, и собираются разделить со стариками их большую радость… Когда же подошел срок, Наталья Ильинична и Егор Степанович решили, что как бы ни хотелось им видеть на своем торжестве всех детей, а только неразумно отрывать их от собственных дел и забот ради одного только дня, пусть даже значительного. И решили старики даже телеграмм не посылать, пусть, мол, будет как будет. Кто сможет — и так приедет, а кто не сможет — разве ж на это обижаться? Иные вон в какой дали живут от Теряева.

Но близился заветный день, и все чаще, особенно вечерами, подолгу рассуждали муж и жена, кто из детей будет на золотой свадьбе, а кто — нет. Суждения были разные, и юбиляры засомневались: правильно ли они поступают, не посылая детям приглашения? Потом вновь житейская мудрость брала верх: нет,

не резон беспокоить всех сынов и дочек.

«Володя, конечно, будет на празднике. Ему что — завел мотоцикл и через десять минут — у родителей; он здесь же, в Теряеве, председателем сельпо работает. Дальше Подмосковья и не уводила Володю судьба: с пятого класса учился в школе-интернате в Волоколамске, потом в столичном техникуме; армейскую службу проходил тоже поблизости. Можно бы и Ване приехать, — думали старики, — недалеко он — в Череповце: правда, работа у него важная — второй помощник капитана большого сухогруза. Вдруг он в рейсе?»

— А вот Шура и Зоя непременно будут, — уверенно говорила Наталья Ильинична. — Помнишь, Егорушка, в письмах обещались они, что привезут к нам внуков на лето?

Отец с матерью заводили разговор о других детях — и все больше у них появлялось надежд, что многие из четырнадцати ненаглядных сыновей и дочек вот-вот приедут в Теряево. Николай ведь тоже близко — в Ступино. Очень порадовались за него родители, когда прочитали в газете, что фрезеровщику Н. Скотникову присвоено звание «Мастер — золотые руки». Николай, он сызмальства все делал добротно, на совесть, на старшего брата Петра все поглядывал — тот теперь в Москве, один из лучших формовщиков Прожекторного завода. Впрочем, можно ждать и Валентина, и Анну, и Антонину…

Думали о своих дорогих детях родители, и согревала их души простая мысль: все четырнадцать живут достойно, идут дорогой тружеников, знающих и любящих свое дело. Да и разве можно жить иначе в Советской стране — стране Великого Октября!

С малых лет узнали дети, что можно очень просто, без лишних хлопот записаться и ходить в школу; что ничего не стоит поступить и учиться на всем готовом в школе-интернате, суворовском училище, техникуме, институте. Повзрослев, они выбирали себе работу по душе — есть среди Скотниковых офицер, моряк, инженер, рабочий, колхозник, служащий. Те из них, что живут своими семьями, имеют либо удобные квартиры в Москве, Подмосковье, Ленинграде, Новгороде и Львове, либо собственные дома в поселках и деревнях.

Но, щедро получая от общества, они так же щедро отдавали и отдают ему свои силы, знания, умение. Никого из них не укоришь в нерадивости; напротив, каждый отмечен и знаками трудовой доблести, и почетными грамотами, и уважением людей.

А ведь судьбы большинства из четырнадцати детей складывались отнюдь не в самые благополучные для страны годы. Старшей дочери, Анне, к началу Великой Отечественной войны исполнилось лишь тринадцать лет, а за ней шли еще шестеро —

мал мала меньше. И вовсе не миллионером был созданный в начале тридцатых годов здешний колхоз «Серп и молот». И, стало быть, не приходится говорить о полном достатке в родительском доме в то время. Кем только не работал тогда Егор Степанович: и плотничал, и кровли крыл, и печи клал. Наталья Ильинична тоже не была колхозу обузой — с любым делом управлялась.

Но положа руку на сердце признаем: трудись родители хоть круглые сутки — и то не поднять бы им семерых детей без помощи государства, правления колхоза, сельсовета. Помощь получали они тогда немалую: новый дом был поставлен, младшие ребятишки устроены в первые в колхозе ясли и детсад, продуктами колхоз семью обеспечивал, обновками для малышей. Пусть нелегко, но счастливо жила большая семья, свято веря, что придут лучшие времена, что богаче станет родная страна, а с нею и отчий дом станет богаче.

С этой верой и ушел Егор Степанович добровольцем на фронт, когда грянула Великая Отечественная война, ушел в первые ее дни. Воевал как бы у своего порога — подо Ржевом. Калининым, Клином. Ему повезло редким для фронтовика везением: когда погнали гитлеровцев от московских стен, проходил солдат через родное Теряево. Тот час, что пробыл он дома, на все четыре года зарядил его еще большей уверенностью, что семью его государство не оставит без внимания.

> «Сообщаем Вам, дорогой наш Егор Степанович, — коллективно писали сержанту Скотникову на фронт члены правления, — что семья Ваша в добром здравии и благополучии. Зерна и картошки в достатке… Воюйте спокойно и возвращайтесь с победой…»

Отвоевав, с пятью правительственными наградами вернулся Егор Степанович домой. Односельчане выбрали его председателем колхоза. И с той поры одной мыслью был озабочен фронтовик: как можно полнее ответить людям добром за добро. И ответил, и отдарил: быстро поднимался колхоз, наливался силой. И семья председателя продолжала молодеть и расти год от года: словно бы взамен погибших однополчан Егора Степановича пошли теперь мальчики. Их называли именами боевых побратимов отца: Николай, Владимир, Сергей… В 1948 году появился в семье десятый ребенок. Орден «Мать-героиня» Наталье Ильиничне вручал в Кремле Н. М. Шверник.

…Каждый раз, когда узнают родители о том, что еще один их сын или дочь нашли свое место в жизни, двойное чувство испытывают старики — радости за детей и тоски по ним. Вот почему с нетерпением ждут они каждое новое лето — пору

отпусков у детей, пору встреч с ними. Не было случая, чтобы обманывались старики в своих ожиданиях. Нынешний же год у них особенный — золотую свадьбу будут справлять.

За два дня до золотой даты стали съезжаться дети Егора Степановича и Натальи Ильиничны: радость в деревенском доме била через край!

Широкой, хлебосольной, звонкой от песен была золотая свадьба в Теряеве. Среди многих гостей Егора Степановича и Натальи Ильиничны было двенадцать самых дорогих и желанных — двенадцать сыновей и дочерей. Не приехали только Валентин и Сергей: первый из них, майор, прислал задушевную телеграмму с Украины; второй — солдат, прислал родителям сердечное поздравление с далекой Камчатки… Что нее тут поделаешь — служба есть служба…